

*А.В. Чудинов**

ВТОРОЕ КАИРСКОЕ ВОССТАНИЕ

20 марта – 21 апреля 1800 г.

Статья посвящена истории наиболее масштабного и продолжительного эпизода вооруженного сопротивления жителей Египта французской оккупации 1798–1801 гг. Автор, опираясь на широкий круг источников, включающий в себя публикации французских официальных документов, воспоминания участников событий, арабские хроники и архивные материалы, анализирует механизм перехода массового недовольства египтян в насильственные действия стихийного характера, а затем в организованные формы вооруженной борьбы. Хроника возникновения, развития и подавления восстания рассматривается по дням через перекрестное сопоставление свидетельств с обеих сторон конфликта.

Ключевые слова: Франция, Египет, массовое движение протеста, Египетский поход 1798–1801 гг., Второе каирское восстание 1800 г., Клебер.

Это были дни непрерывных волнений, горестей, тревог и бедствий, сражений, убийств и грабежей. В эти дни верховодили злодеи, а благородные люди испытали бесчестие.

Абд ар-Рахман ал-Джабарти

Три счастливых месяца, три горестных года

Афористичная формулировка, вынесенная в заголовок этого параграфа, была встречена мною у французского военного историка Г. Жислен де Бонтена¹. На мой взгляд, она как нельзя лучше характеризует

^{*} *Александр Викторович Чудинов, доктор исторических наук, руководитель лаборатории «Мир в эпоху Французской революции и Наполеоновских войн» Института всеобщей истории РАН, заведующий кафедрой исторического регионоведения ГАУГН.*

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 14-18-01116).

¹ *Gislain de Bontin G. Trois mois heureux, trois ans amers // La campagne d'Égypte, 1798–1801: mythes et réalités / Actes du colloque des 16 et 17 juin 1998. P., 1998. P. 77–92.*

ход Египетской экспедиции, предпринятой Наполеоном Бонапартом в 1798 г. Увлеченный «восточным миражом», созданным литераторами эпохи Просвещения², и достаточно слабо представляя себе реальное положение дел в Египте, молодой генерал во главе Восточной армии отправился завоевывать эту страну под предлогом освобождения ее от мамлюков.

Появление французов 1 июля 1798 г. у Александрии застало враждебно власти Османской империи, в состав которой входил Египет, поскольку они просто не ожидали подобного вероломства от своих традиционных союзников. Арабское же население Египта было сбито с толку декларацией Бонапарта о том, что он действует против мамлюков якобы с ведома и согласия турецкого султана. Таким образом, на первых порах Восточной армии приходилось сражаться лишь против отрядов мамлюкских беев да отдельных бедуинских племен, над которыми она довольно легко одерживала верх благодаря своему подавляющему превосходству в организации и вооружении. После трех месяцев блестящих побед большая часть Египта была завоевана. Но на этом счастье закончилось, и пришел черед горестей.

Впрочем, первый тревожный звонок прозвенел еще раньше: 1–2 августа английская эскадра адмирала Г. Нельсона уничтожила французский флот на рейде Абукира, перерезав сообщение Восточной армии с метрополией. Однако даже эта катастрофа не шла ни в какое сравнение с теми бедствиями, которые начались для французов, когда в Египет пришло известие, что султан объявил войну Франции и провозгласил джихад против неверных. Непосредственной реакцией на эту весть стало Первое каирское восстание 21–23 октября 1798 г. Хотя оно было жестоко подавлено французами, отныне и до самой своей капитуляции 30 августа 1801 г. им в Египте предстояло иметь дело с постоянным сопротивлением местного населения, выражавшимся в различных формах: от нападений на одиночных солдат и локальных стычек до массового повстанческого движения и городских бунтов. Помимо этой напасти Восточную армию ожидало и множество иных: вторжения турок и англичан, чума и другие тяжелые болезни, постоянный дефицит предметов первой необходимости, угнетающее воздействие климата пустыни, – однако до поры до времени французы будут находить способы более или менее успешно справляться со всеми ни-

² Подробнее см.: *Прусская Е.А.* Египет в сочинениях французских путешественников К.-Э. Савари и К. Ф. Вольея в конце XVIII в. // *ВИ.* № 1. 2012. С.111–121.

ми, кроме неприятия оккупации местными жителями. Подавленное в одном месте, сопротивление египтян тут же будет прорываться наружу в другом. Наиболее масштабным и продолжительным эпизодом их борьбы против оккупантов стало Второе каирское восстание 1800 г., о котором и пойдет речь далее.

Историография и источники

В исторической литературе Второму каирскому восстанию неизменно уделялось существенно меньше внимания, чем Первому, правда, отнюдь не в силу его меньшей значимости. Как раз напротив, Второе восстание намного превзошло Первое по размаху и упорству борьбы. Просто оно случилось уже после отъезда Бонапарта во Францию, при его преемнике на посту командующего Восточной армией – Жане-Батисте Клебере, а львиную долю внимания исследователей Египетской экспедиции, как мне ранее приходилось отмечать в другой связи, традиционно притягивает к себе именно ее наполеоновский период³.

Тем не менее данное событие отнюдь не является «белым пятном» для историографии. Достаточно пространные описания происшедшего можно найти и в многотомной «Научной и военной истории Египетского похода», подготовленной его участниками⁴, и в наиболее подробной биографии Ж.Б. Клебера⁵, написанной в XIX в. графом Ш.П.В. Пажолем, и в недавно вышедшей книге французского военного историка Ф. Делэтра «Сражение при Гелиополисе»⁶. Отдельную статью обоим Каирским восстаниям посвятил также известный советский востоковед И.М. Фильштинский⁷.

Однако при ознакомлении со всеми этими текстами бросается в глаза ярко выраженный моноцентризм использованной их авторами базы источников. Авторы «Научной и военной истории» так же, как Пажоль, черпали сведения о Втором каирском восстании пре-

³ См.: Чудинов А.В. Сражение при Гелиополисе, или Забытая победа // ФЕ 2014. Т. 2: Франция и Восток. М., 2014. С. 128–129.

⁴ Histoire scientifique et militaire de l'expédition française en Égypte. P., 1830–1836. Т. 7. P. 396–461.

⁵ Pajol Ch.-P.-V., le comte. Kléber, sa vie, sa correspondance. P., 1877. P. 474–482.

⁶ Delaître F. La bataille d'Héliopolis: 20 mars 1800. Allonzier-la-Caille, 2011. P. 57–78.

⁷ Фильштинский И.М. Каирские восстания 1798–1800 гг. и описание их в хронике Абд ар-Рахмана ал-Джабарти // Советское востоковедение. 1958. № 3. С. 46–56.

имущественно из «Доклада французскому правительству о событиях, произошедших в Египте, начиная с заключения договора в Эль-Арише по прериаль VIII года» (далее – «Доклад»). Этот документ, составленный наполовину Клебером, наполовину – начальником его штаба генералом Ф.-Э. Дама, был после смерти Клебера отправлен в Париж и одновременно напечатан в Каире типографией Восточной армии⁸.

Ф. Делэтр в качестве основного источника использовал написанные в 1828 г. заметки своего далекого предка, генерала Шарля Делэтра, некогда воевавшего в чине капитана под знаменами Клебера. Впрочем, при ближайшем рассмотрении воспоминания этого участника событий выглядят не слишком оригинальными. В своем описании восстания он, как и многие другие авторы мемуаров из числа бывших военнослужащих Восточной армии, всего лишь воспроизвел содержание вышеупомянутого «Доклада».

И, наконец, И.М. Фильштинский, как показывает уже сам заголовок его статьи, опирался преимущественно на хронику каирского шейха Абд ар-Рахмана ал-Джабарты, хотя, справедливости ради заметим, был прекрасно знаком и с широким кругом французских источников, о чем свидетельствует его пространное предисловие к русскому переводу текста ал-Джабарты⁹.

Естественно, подобный моноцентризм в выборе источников ведет к созданию несколько односторонней картины происшедшего. Так, шейх ал-Джабарты, при всей бесспорной ценности его хроники для понимания ситуации внутри восставшего Каира, мало что знал о положении по ту сторону фронта и уж тем более не мог судить о мотивах тех или иных действий французов. «Доклад» же являет собою в данном отношении диаметрально противоположность: его авторы были хорошо информированы о происходившем у французов и лишь очень приблизительно – о положении в неприятельском лагере. Впрочем, даже в том, что касается действий французских войск, содержащиеся в этом документе сведения нуждаются в верификации данными других источников. Поскольку «Доклад» составлялся для публикации, то не удивительно, что его авторы, как я уже отмечал в отношении их рассказа о сра-

⁸ Rapport fait au Gouvernement français des événemens qui se sont passés en Egypte, depuis la conclusion du traité d'El-A'rych, jusqu'à la fin de prairial an VIII. Kair, s.d.

⁹ Фильштинский И.М. Предисловие // Абд ар-Рахман ал-Джабарты. Египет в период экспедиции Бонапарта. М., 1962. С. 3–44.

жении при Гелиополисе¹⁰, могли сглаживать или обходить молчанием те моменты, которые способны были повредить командованию Восточной армии в глазах широкой публики и тем более Первого консула – Наполеона Бонапарта.

Указанные особенности освещения Второго каирского восстания в существующей к настоящему моменту научной литературе делают актуальным продолжение исследований этой темы, но теперь уже с привлечением максимально широкого круга источников как официального, так и частного происхождения. В предлагаемой далее вниманию читателей реконструкции этих событий я опирался на следующие источники: на переписку Клебера¹¹; на оригинальный текст «Доклада», опубликованный А. Лорансом по находящейся в Военном архиве (Венсенн) рукописи¹²; на хранящиеся там же в Венсенне документы Восточной армии¹³; на отчет о военных действиях, составленный офицером штаба Восточной армии А.Э. Мишо по горячим следам событий и предназначенный для служебного пользования¹⁴; на арабские хроники ал-Джабарти и Никулы ат-Турка¹⁵; на свидетельства французских офицеров – участников осады – начальника штаба артиллерии Ж.П. Догеро¹⁶, гусара Н.Ф. Девернуа¹⁷; офицера полка дромадеров Ш. Франсуа¹⁸, артиллеристов Ш. Ришардо¹⁹ и Л.Ж. Брикара²⁰, пехотных офи-

¹⁰ Чудинов А.В. Указ. соч. С. 148–155.

¹¹ Kléber en Égypte 1798–1800. Т. 4. Р., 1995.

¹² Rapport fait au gouvernement français des événements qui se sont passés en Égypte, depuis la conclusion du traité d'El-Arych, jusqu'à la fin de prairial an VIII // Kléber en Égypte 1798–1800. Т. 4. Далее – Rapport.

¹³ Service Historique de la Defense. Département de l'armée de terre (SHD/DAT).

¹⁴ [Michaux A.-E.] Rapport détaillé sur la bataille d'Héliopolis et sur la siège du Kaire – SHD/DAT. В° 42. Далее указанный документ цитируется по изданию: L'état-major de Kleber en Égypte: 1798-1800 : d'après leurs carnets, journaux, rapports et notes / Éd. établie par S. Le Couëdic. Р., 1997.

¹⁵ Абд ар-Рахман ал-Джабарти. Указ. соч.; Turc N. Chronique d'Égypte 1798-1804/ Ed. et tr. par G. Wiet. Le Caire, 1950. Подробную характеристику этих источников см.: Прусская Е.А. Арабские хроники как источник по истории Египетской экспедиции Бонапарта // ФЕ 2010. Источники по истории Французской революции XVIII в. и эпохе Наполеона. М., 2010. С. 274–290.

¹⁶ Doguereau J.P. Journal de l'expédition d'Égypte / Éd. de C. de La Jonquière. Р., 1997.

¹⁷ Desvernois, général baron. Avec Bonaparte en Italie et en Égypte. Р., 2012.

¹⁸ Journal du capitaine François, dit le dromadaire d'Égypte / Établie par Charles Grolleau. Р., 2003.

¹⁹ Richardot Ch., le lieutenant-colonel. Nouveaux mémoires sur l'armée française en Égypte et en Syrie. Р., 1848.

²⁰ Journal du canonnier Bricard. Р., 1891.

церов Ж.М. Муаре²¹ и Ф. Вигу-Руссильона²², а также типографа А. Галана²³ и английского дипломата Дж.П. Морье²⁴.

Накануне

Несмотря на постоянно существовавшую в период Египетского похода напряженность в отношениях между французами и населением Каира, особенно низшими слоями населения, недовольство египтян оккупацией долгое время носило латентный характер и после октября 1798 г. не выливалось на протяжении полутора лет в какие-либо насильственные действия. Быстрое и решительное подавление Бонапартом Первого каирского восстания стало для жителей египетской столицы жестоким уроком, надолго отбившим охоту к повторению подобного опыта. Однако их настроение стало быстро меняться, когда они узнали, что генерал Клебер и великий визирь Османской империи Юсуф-паша заключили 23 января 1800 г. Эль-Аришское соглашение об эвакуации французов из Египта²⁵.

По этому соглашению французская армия должна была через три месяца покинуть Египет на турецких судах, которым предстояло доставить ее со всем вооружением во Францию. На время подготовки французов к эвакуации объявлялось перемирие. Документ предусматривал четкий график передачи турецкой стороне населенных пунктов по всему пути следования армии визиря от сирийской границы до Каира: саму же египетскую столицу французы должны были покинуть на 40-й, в крайнем случае на 45-й день после ратификации документа. Однако уже с самого начала переходного периода турецкая администрация получала право собирать налоги по всему Египту, выплачивая в свою очередь, французам для содержания их войск оговоренные в соглашении суммы.

28 января Клебер прибыл в Каир из военного лагеря в Салихии, привезя с собой турецкого военачальника Мухаммада Ага, которому визирь и поручил наладить сбор налогов. Уже один только вид пред-

²¹ *Moiret J.-M. Mémoires sur l'expédition d'Égypte*. P., 1984.

²² *Vigo-Roussillon F. Journal de la campagne (1793–1837)*. P., 1981.

²³ [*Galland A.*]. *Tableau de l'Égypte pendant le séjour de l'Armée française*. T. 1. P., an XI (1803).

²⁴ *Morier J.P. Memoir of a Campaign with the Ottoman Army in Egypt from February to July 1800*. L., 1801.

²⁵ Текст его неоднократно публиковался в научной литературе. См., например: *Kléber en Égypte 1798–1800*. T. 4. P. 541–547.

ставителя Османской империи вызвал, по свидетельству ал-Джабарты, настоящий ажиотаж у горожан, хотя те и не знали о цели его приезда: «Жители собирались в большие толпы, чтобы посмотреть на него, шумели и кричали. Некоторые забрались на *мастабы* лавок и крыши. Женщины приветствовали его пронзительными радостными возгласами из окон домов»²⁶. А когда на следующий день Мухаммад Ага огласил фирман великого визиря о том, что поставлен начальником над городскими таможнями и что комендантом Каира до прибытия визиря временно назначен находившийся в плену у французов Мустафа-паша, каирцы исполнились надежды, что ненавистная оккупация и вправду подходит к концу. Даже весьма значительная контрибуция, взывавшаяся с них новыми турецкими властями для передачи французам предусмотренной в соглашении суммы, не вызвала у горожан недовольства: «Каждый обложенный этой контрибуцией житель спешил с уплатой и приносил деньги от чистого сердца с радостной мыслью, что он ускоряет эвакуацию французов, и говорил: “Благословен тот день и час, когда неверные собаки уберутся”. Это говорилось в присутствии французов, те слышали и озлоблялись»²⁷.

Между тем во исполнение Эль-Аришского соглашения французы по графику сдавали туркам один укрепленный пункт за другим, и армия визиря поступенно приближалась к египетской столице: 7 февраля она вошла в Катию, 12-го – в Салихию, 19-го – в Бельбейс²⁸. По мере ее продвижения отношения в Каире между местными жителями и французскими военными всё более накалялись:

«Что касается жителей Каира и простого люда, то они были беспечны. Они смотрели на французов с презрением и всячески унижали их своим бесцеремонным обращением, насмешками, ругательствами и даже проклятиями. При этом, не думая о последствиях, к которым все это может привести, они лишали себя возможности какого бы то ни было примирения с французами в дальнейшем.

Дело дошло до того, что ученики, собранные своими школьными учителями, ходили толпами, громко, во весь голос выкрикивая в рифму: “Проклятие христианам, их начальникам и пособникам! Да ниспошлет Аллах победу султану и уничтожит неверных” и другие подобные сло-

²⁶ Абд ар-Рахман ал-Джабарты. Указ. соч. С. 242. Мастаба (*араб.*) – каменная скамья.

²⁷ Там же. С. 244.

²⁸ Маршрут движения турецкой армии см.: Morier J.P. Op. cit. P. 42–70.

ва. Они думали, что с французами уже покончено, и не могли сдержать свое нетерпение до окончания срока соглашения»²⁹.

Падение авторитета французских военных проявлялось порой даже на бытовом уровне. Гусар Девернуа позднее вспоминал, что именно в эти смутные дни ожидания эвакуации был дочиста обокраден собственным слугой, который со всем его имуществом бежал к себе на родину в Дарфур. Еще недавно такое было просто невозможно, а теперь французов уже никто не боялся³⁰.

Стало также расти напряжение между мусульманами и христианами среди самих горожан. В период пребывания французов в Египте местные христиане широко сотрудничали с оккупационной администрацией: копты, так же как при мамлюках, осуществляли сбор налогов, сирийские христиане и греки выполняли ее различные поручения, служили во вспомогательных войсках, а их женщины нередко скрашивали досуг французских военных. Всё это, естественно, раздражало мусульман, которым, однако, до поры до времени приходилось скрывать свое недовольство. Теперь же оно все чаще стало выплескиваться наружу. Представитель английского военного командования Джон Кейт, прибывший в Каир после установления перемирия, обратился 19 февраля с письмом к Клеберу, предупреждая, что «положение всех категорий христиан и франков [европейцев. – *А. Ч.*], живущих в этом городе, день ото дня становится все тревожнее с приближением срока эвакуации французской армии...»³¹

Бельбейс, где разбила свой лагерь огромная, насчитывавшая от 60 до 80 тыс. штыков и сабель³², армия великого визиря, находился на расстоянии примерно десятичасового перехода от Каира, а селение Эль-Ханка, где стоял ее авангард, еще ближе – в четырех часах ходу³³. Впрочем, Юсуф-паша никуда не спешил и провел в Бельбейсе три недели в ожидании, пока французы в соответствии с соглашением эвакуируются из города. Однако его солдатам после изнурительного многодневного марша по пустыне было трудно усидеть на месте вблизи соблазнов большого города, и они небольшими группами начали проникать в Каир. Рядовой состав, отмечает следовавший с турецкой армией английский

²⁹ Абд ар-Рахман ал-Джабарти. Указ. соч. С. 244.

³⁰ Desvernois, général baron. Op. cit. P. 148–149.

³¹ Kléber en Égypte 1798–1800. Т. 4. P. 584.

³² Подробнее расчеты ее численности см.: Чудинов А.В. Указ. соч. С. 140–143.

³³ От Бельбейса до Эль-Ханки было 6 часов пешего хода (см. Morier J.P. Op. cit. P. 70), а от Эль-Ханки до Каира – еще 4 (см.: Journal du capitaine François. P. 357).

дипломат Морье, испытывал к концу похода нехватку продовольствия³⁴, а дисциплина у турок не отличалась большой строгостью. «Приказы великого визиря о предстоящих действиях, – пишет Морье, – сообщаются армии глашатаем и выглядят смешными по сравнению с нашими представлениями о военной системе. Накануне вечером они объявляются примерно так: “Завтра вечером вам предстоит идти десять часов, чтобы достичь вод Нила. Тот, кто хочет, может выходить уже сейчас”»³⁵. Не удивительно, что, оказавшись вблизи Каира, многие из солдат отправились туда «уже сейчас», не дожидаясь общего приказа.

Ал-Джабартти сообщает, что появившиеся в городе турки сразу же повели себя по-хозяйски и «начали навязываться владельцам кофеен и бань, цирюльникам, портным и так далее в качестве компаньонов для получения части доходов от ремесел и других занятий»³⁶. Это же отмечается и в отчете Мишо:

«Полиция работала плохо, да и караульная служба после возвращения [французской] армии [в Каир] осуществлялась небрежно. Безобразия всё множились. Османы облагали частными поборами купцов, которым писали на дверях домов “Я – твой компаньон”. Эти беспорядки продолжались до самого разрыва [Эль-Аришского] соглашения»³⁷.

Турецкий комендант Мустафа-паша, которому горожане пожаловались на бесчинства солдатни, ответил, что такова обычная практика османской армии³⁸. Однако местные жители были к турецким порядкам не приучены, поскольку до прихода французов власть султана над Египтом носила скорее номинальный характер, а реально страной управляли мамлюкские беи. Позже, во время восстания, подобные различия у турок и египтян в представлениях о допустимом и недопустимом станут одной из главных причин раскола среди повстанцев.

Прибыли в те дни к Каиру со своими отрядами и бывшие правители Египта – предводители двух самых влиятельных мамлюкских кланов Ибрагим-бей и Мурад-бей. Первый, бежавший в 1798 г. от Бонапарта в Сирию, теперь со своими людьми вернулся в составе армии визиря. Второй, почти два года сражавшийся против французов в Верхнем

³⁴ Morier J.P. Op. cit. P. 51.

³⁵ Ibid. P. 49.

³⁶ Абд ар-Рахман ал-Джабартти. Указ. соч. С. 245.

³⁷ [Michaux A.-E.] Op. cit. P. 76.

³⁸ Абд ар-Рахман ал-Джабартти. Указ. соч. С. 245.

Египте, разбил свой лагерь в стороне от турок – в ал-Адлие, ограничившись кратковременным визитом вежливости к визирю.

Не покидавшие Каира на протяжении всей оккупации жены и управляющие беев теперь отправились навстречу главам своих домов, спеша доставить им в походный лагерь всё необходимое для того, дабы скрасить им вынужденное пребывание в полевых условиях. Между Каиром и Бельбейсом установилось оживленное общение: утром и вечером слуги везли своим хозяевам в лагерь предметы роскоши и яства. Именитые люди города также побывали там, выразив уважение великому визирю³⁹. Именно он воспринимался теперь в качестве носителя верховной власти. И хотя французы еще никуда не ушли, горожане, похоже, все меньше принимали их во внимание.

Появление в Каире слабо дисциплинированных турецких солдат, к тому же еще и религиозно экзальтированных в священный месяц рамадан, повысило до предела градус напряженности в городе и усилило риск конфликтов. Те не заставили себя ждать. О первом из них глухо упоминается в записке Клебера командиру дивизии генералу Ж.Л.Э. Рейнье от 25 февраля:

«Примите, пожалуйста, самые строгие меры, чтобы обеспечить спокойствие в городе и чтобы ни один из солдат не выходил из казарм ни под каким предлогом. Необходимо также с текущего момента и на все три дня, пока длится праздник [окончания рамадана. – А.Ч.], удвоить посты. Французы только что совершили убийство, которое вызовет самые печальные последствия»⁴⁰.

Последствия, однако, так и не наступили. Возможно, убийство это, если оно действительно имело место, удалось скрыть, и оно не получило огласки в городе. Во всяком случае, никакие другие источники о нем не упоминают. Зато практически все они с разной степенью подробности сообщают о конфликте на городском базаре 3 марта. Правда, детали происшедшего в разных свидетельствах весьма разнятся. Официальную французскую версию изложил генерал Дама в письме турецкому коменданту города Мустафа-паше:

«Имею честь известить Ваше превосходительство о том, что патруль, обязанный поддерживать порядок в городе, только что подвергся нападению османов, открывших по нему огонь в кофейне, где тот

³⁹ Там же. С. 246–247; *Turc N. Op. cit.* P. 95.

⁴⁰ Kléber en Égypte 1798–1800. T. 4. P. 595.

находился. Французский гренадер из 61-й полубригады погиб, другие получили ранения»⁴¹.

В отчете Мишо говорится о двух погибших гренадерах из 75-й полубригады без каких-либо подробностей столкновения⁴². Гораздо более яркую картину этого инцидента рисует арабский хронист Никула ат-Турк, христианин из Сирии, находившийся с наблюдательной миссией по заданию ливанского эмира при штабе Восточной армии:

«В один прекрасный день пятеро янычаров сидели на рынке и увидели проходящего мимо французского солдата. Один из янычаров кинулся к нему и уложил на месте ударом сабли по шее. Новость стала распространяться, как огонь по дорожке пороха, и взбудоражила французов. Все дома стали закрываться»⁴³.

Наиболее же масштабным этот конфликт выглядит в изложении ал-Джабарты:

«7 шаввала (3.III.1800) произошло столкновение между французскими и турецкими солдатами. Это была первая стычка между ними. Группа турецких солдат повздорила с группой французских солдат, и в стычке был убит один француз. Охваченные волнением и тревогой жители закрыли лавки. В ал-Джамалие и в примыкающих к ней районах турки начали строить траншеи и укреплять их. В последовавшее за этой стычкой новым столкновением между французами и турками было убито с обеих сторон небольшое число солдат. События угрожали перерасти в настоящее восстание. Обе стороны провели ночь, готовясь к бою. Но высшие чины армии с обеих сторон вмешались в эти приготовления, удержали своих солдат и приказали разрушить траншеи»⁴⁴.

Это сообщение шейха созвучно показаниям ряда французских военных. Так, в дневнике канонира Брикара события 3 марта, стоившие, по словам автора, жизни одному из гренадеров, характеризуются термином «восстание» (*insurrection*). Более того, «маленькие восстания», пишет Брикар, имели также место и в последующие два дня⁴⁵. В воспоминаниях гусарского офицера Девернуа говорится о трех-четырёх столкновениях французов с янычарами на улицах Каира и приводится любопытная деталь: почувствовав, что уступают, турки забаррикадировались в одном из домов и принялись палить во все стороны⁴⁶.

⁴¹ Ibid. P. 608.

⁴² [Michaux A.-E.], Op. cit. P. 76.

⁴³ Turc N. Op. cit. P. 96.

⁴⁴ Абд ар-Рахман ал-Джабарты. Указ. соч. С. 247–248.

⁴⁵ Journal du canonnier Bricard. P. 394–395.

⁴⁶ Desvernois, général baron. Op. cit. P. 152.

Как видим, расхождения в описаниях довольно существенные: от одиночной стычки до столкновений с довольно большим числом участников. Рискну предположить, что дело все же не ограничилось частным конфликтом, поскольку три дня спустя генерал Дама отправил рейс-эфенди (министру иностранных дел) Рашиду, находившемуся в ставке визиля, письмо с просьбой отсрочить на несколько дней вывод французский войск из Каира и среди факторов, не позволявших им эвакуироваться в те сроки, что были предусмотрены Эль-Аришским соглашением, на первое место поставил «кратковременные беспорядки, вызванные в Каире солдатами, покинувшими османскую армию»⁴⁷. Очевидно, что убийство в частной ссоре одного гренадера едва ли выглядело бы убедительным объяснением задержки эвакуации целой армии. Речь явно шла о более серьезном инциденте.

Гораздо больше единодушия в свидетельствах современников о мерах, которые по требованию французского командования Мустафа-паша принял против возмутителей спокойствия. Несколько участвовавших в конфликте янычаров были повешены на площади Эзбекский перед бывшим дворцом Эльфи-бея, где теперь располагалась штаб-квартира Клебера, а остальным турецким военнослужащим было запрещено входить в Каир с оружием. Данные источников расходятся только в отношении числа казненных: ат-Турк говорит о пяти повешенных, ал-Джабарты – о шести, Мишо – о пяти повешенных и пяти, которым отрубили головы⁴⁸. Решительные меры позволили прекратить столкновения, однако обстановка в городе все равно осталась взрывоопасной.

Тем не менее французы продолжали подготовку к эвакуации, вывозя из Каира свою тяжелую артиллерию и снаряжение. 8–10 марта пушки и содержимое складов из каирской Цитадели и расположенных возле города фортов были отправлены по Нилу в Розетту⁴⁹. Теперь Клебер ждал только прибытия частей из Верхнего Египта, чтобы двинуться к морским портам. Оставалось всего лишь два дня до полной эвакуации французских войск⁵⁰.

⁴⁷ Kléber en Égypte 1798–1800. Т. 4. Р. 609.

⁴⁸ Абд ар-Рахман ал-Джабарты. Указ. соч. С. 248; Turc N. Op. cit. P. 96; [Michaux A.-E.]. Op. cit. P. 76. В сравнении с этими цифрами сообщение в мемуарах Девернуа о 150–200 казненных (*Desvernois, général baron*. Op. cit. P. 152) выглядит излишне преувеличенным, не находит подтверждения в других источниках и объясняется, вероятно, лишь тем, что эти воспоминания были записаны спустя годы после указанных событий.

⁴⁹ Journal du canonnier Bricard. P. 396; Абд ар-Рахман ал-Джабарты. Указ. соч. С. 246.

⁵⁰ Kléber en Égypte 1798–1800. Т. 4. Р. 622.

Однако 10 марта ситуация резко изменилась после того, как Клебер получил послание британского представителя в Восточном Средиземноморье командора С. Смита. Выступив ранее посредником при заключении Эль-Аришского соглашения, Смит считал для себя делом чести его точное исполнение, а потому предупредил Клебера о том, что командующий английским флотом на Средиземном море адмирал Кейт, руководствуясь старыми, еще ноябрьскими, инструкциями из Лондона, отказывается пропустить французскую армию на родину и готов вывезти ее личный состав из Египта только в качестве пленных. Копия соответствующего письма адмирала Кейта прилагалась⁵¹.

В тот же день, 10 марта, Клебер обратился к Юсуф-паше с предложением приостановить реализацию Эль-Аришского соглашения до тех пор, пока французы не получат разрешение адмирала Кейта на свободную эвакуацию⁵². Одновременно, не надеясь, вероятно, найти понимания у великого визиря, французский командующий отдал приказ своему начальнику артиллерии генералу Н.М. Сонжису вновь вооружить Цитадель и форты⁵³. И он оказался прав: на следующий день великий визирь в ответном письме, выразив готовность и далее соблюдать перемирие, подчеркнул необходимость точного соблюдения всех пунктов Эль-Аришского соглашения, включая сроки эвакуации французских войск из Каира⁵⁴. Подкрепляя эти слова демонстрацией силы, османская армия 12 марта⁵⁵ подошла к городу еще ближе: основные силы и ставка Юсуф-паши разместились в селении Эль-Ханка, на расстоянии четырехчасового перехода от Каира (4 лье), а турецкий авангард под командованием Насуф-паши⁵⁶ – в деревне Матария, в двухчасовом переходе от города (2 лье⁵⁷).

Стараясь выиграть время, Клебер отправил своего начальника штаба Дама и главного финансиста армии А. Глутье вести переговоры с представителями визиря, затянувшиеся до 18 марта. Параллельно шла активная военная и дипломатическая подготовка к возобновлению военных действий. Рассказывает ал-Джабарты:

«Французы использовали упомянутый восьмидневный период для того, чтобы стянуть свои войска из Верхнего и Нижнего Египта. Они

⁵¹ Ibid. P. 625–628.

⁵² Ibid. P. 621–622.

⁵³ Ibid. P. 623.

⁵⁴ Ibid. P. 636–638.

⁵⁵ Morier J.P. Op. cit. P. 70.

⁵⁶ В источниках и в исторической литературе его также называют Насиф-пашой или Насух-пашой.

⁵⁷ Journal du capitaine François. P. 357, 359. 1 сухопутное лье = 4445 м.

раскинули свои палатки вдоль берега Нила, и их лагерь растянулся по всему Каиру – от Старого Каира до Шубра. Они вновь заняли пустовавшую крепость и с лихорадочной поспешностью днем и ночью завозили туда на повозках боеприпасы, снаряды, военное оборудование, порох, ядра, бомбы и пушки. Жители удивлялись всему этому. Мустафа-паша, комендант, и его приближенные видели все это, но ничего не говорили»⁵⁸.

Одновременно по заданию Клебера секретарь дивана⁵⁹ Ж.Ж. Фурье тайно вступил через посредников в контакт с Мурад-беем, и тот обещал ему соблюдать нейтралитет в случае возможного столкновения между французами и турками⁶⁰.

Когда из Верхнего Египта прибыли ожидавшиеся французские части, а форты были вновь вооружены, Клебер 18 марта прекратил переговоры с турками, велел арестовать Мустафа-пашу и выпустил приказ по армии, в котором ознакомил ее личный состав с текстом письма адмирала Кейта, добавив от себя: «Солдаты, на такое дерзкое послание мы можем ответить только победами. Готовьтесь к бою»⁶¹. 19 марта он письмом известил великого визиря о разрыве перемирия и о том, что обе армии отныне находятся в состоянии войны⁶². В ночь на 20 марта французская армия выступила против великого визиря.

Расположение французских частей в Каире

Хотя Клеберу удалось стянуть для участия в генеральном сражении все находившиеся поблизости от Каира войска, на стороне противника был гигантский численный перевес: против 12,5–13 тыс. у французов турки имели от 60 до 80 тыс. бойцов⁶³. Естественно, французский командующий смог оставить в Каире лишь минимальное количество войск, состоявших к тому же в значительной степени из раненых, больных и выздоравливающих – тех, кто не мог полноценно сражаться в поле⁶⁴. В архиве Восточной армии сохранилась следующая таблица распределения находившегося в Каире личного состава по ключевым для контроля над городом пунктам.

⁵⁸ Абд ар-Рахман ал-Джабарти. Указ. соч. С. 249.

⁵⁹ Диван – совещательный орган при оккупационной администрации, включавший в себя наиболее влиятельных жителей Каира, преимущественно шейхов мечети Аль-Азхар.

⁶⁰ Kléber en Égypte 1798-1800. Т. 4. Р. 641–644.

⁶¹ Ibid. Р. 680–681.

⁶² Ibid. Р. 681–682.

⁶³ Подробный анализ численности армий с обеих сторон см.: Чудинов А.В. Указ. соч. С. 134–143.

⁶⁴ См.: Moiret J.-M. Op. cit. Р. 146.

Список войск, остававшихся в Каире, фортах и в Гизе в тот период, когда армия ушла сражаться с великим визирем 29 вантоза (20 марта 1800 г.)⁶⁵

Имена комендантов фортов	Номера частей	Местопребывание	Численность личного состава	Примечания
<i>Цитадель</i> : Дюпа, шеф бригады	32 ^я и 85 ^я линейные полубригады	Цитадель	396	
<i>Форт Дюпюи</i> : Рафаелли, капитан	13 ^я линейная полубригада	Форт Дюпюи	24	
<i>Форт Сулковский</i> : Колле, капитан	Разные части	Форт Сулковский	402	Включая всех тех из 9 полубригад, кто не смог за ними последовать
<i>Ферма [Ибрагим-бей]</i> : Рест, капитан	32 ^я линейная полубригада	о. Рудах и Ферма	495	Включая пикет драгун
<i>Форт Акведука</i> : Борд, лейтенант	32 ^я линейная полубригада	Форт Акведука	10	
<i>Форт Камен</i> : Шапель, лейтенант	13 ^я линейная полубригада	Форт Камен	10	
<i>Форт Института</i> : Риззи, лейтенант	32 ^я линейная полубригада	Форт Института	10	
<i>Булак</i> : Жоливе, шеф эскадрона	25 ^я линейная полубригада	В Карантине	50	
	22 ^я легкая, 13 ^я и 9 ^я линейные полубригады	Главная штаб-квартира	120	Не считая гидов*
<i>Старый Каир</i> : Жирар, шеф батальона	32 ^я линейная полубригада	Старый Каир	50	

⁶⁵ SHD/DAT. B⁶ 189.

Имена комендантов фортов	Номера частей	Местопребывание	Численность личного состава	Примечания
Гиза: Фландрен, капитан	32 ^a линейная полубригада	Гиза	698	Включая 180 чел. из депо** 21 ^й [легкой] и 88 ^й [линейной] полубригад и 130 чел. из артиллерии
ИТОГО			1965	

Эта таблица, очевидно, была составлена в период работы Клебера над вышеупомянутым «Докладом». Судя по описанию, именно она упоминается в списке ответов штаба армии на вопросы, заданные тогда главнокомандующим:

«2. Какие войска я оставил в Каире под командованием генерала Вердье, помимо 32-й линейной полубригады и какова была их общая численность?

– 1965 чел. из различных частей, включая 32-ю линейную полубригаду, как в Цитадели, так и в Гизе, Старом Каире, штаб-квартире и во всех фортах. Соответствующий список прилагается.

3. Имена комендантов в различных фортах, городе и Гизе.

– В прилагаемом списке они указаны»⁶⁶.

Как видим, французские войска были весьма неравномерно распределены в ряде укрепленных пунктов по периметру и в окрестностях Каира (см.: Карта 1). Наиболее боеспособные силы располагались в Цитадели. Построенная еще Саладином, эта крепость доминировала над Каиром. Именно отсюда в октябре 1798 г. Бонапарт подверг город жестокой бомбардировке, позволившей ему быстро подавить Первое каирское восстание. Обладание ею позволяло контролировать артиллерийским огнем большую часть города восточнее канала Халидж.

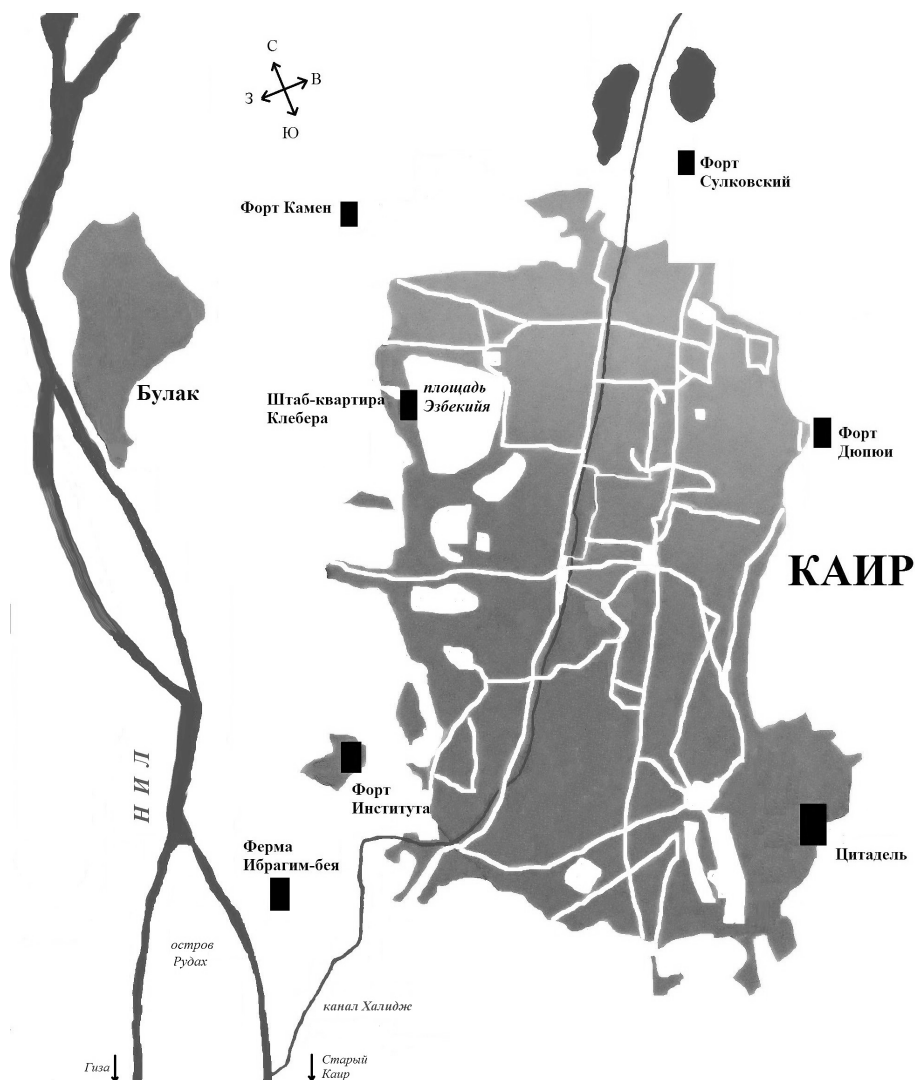
* Гиды – французская легкая кавалерия, составлявшая эскорт командующего армией в Итальянских 1796–1797 гг. и в Египетской кампаниях. В Восточной армии существовали также пешие гиды и батарея артиллерии гидов.

** Депо – учебные подразделения. В условиях Египетского похода, где приток новых рекрутов отсутствовал, использовались для восстановления военнослужащих, вернувшихся из госпиталей.

⁶⁶ L'état-major de Kleber en Égypte. P. 74.

Довольно значительная по численности группировка была сосредоточена также в бывшем загородном доме («ферме») Ибрагим-бея и на примыкавшем к ней о. Рудах – там размещались склады и госпиталь армии.

Карта 1

Еще одним местом скопления складов был пригород Каира – Гиза, расположенный выше по течению Нила, на его левом берегу. Расквартированная здесь французская группировка была наиболее многочисленной. К ней же можно отнести и отряд в Старом Каире, пригороде на правом берегу Нила прямо напротив Гизы. Впрочем, эти части, как и гарнизон форта Акведука, были по сравнению с остальными в наибольшей степени удалены от Каира и оказались на безопасном расстоянии от основного театра военных действий.

В городке же Булак, «речных воротах» столицы, оставались лишь пять десятков солдат, несших караульную службу в карантинной зоне порта.

Весьма неравномерно были распределены силы французов и по ранее построенным ими четырем фортам, три из которых – Сулковский, Дюпюи и Камен – носили имена офицеров Восточной армии, погибших во время Первого каирского восстания. Действительно значительная группировка оставалась лишь в форте Сулковский, контролировавшем дорогу, по которой осуществлялась оперативная связь с основными силами армии, выступившей против великого визиря. В остальных фортах численность гарнизонов колебалась от 10 до 24 человек, обслуживавших несколько артиллерийских орудий.

И, наконец, непосредственно в Каире находилась главная штаб-квартира французской армии, размещавшаяся, как уже выше отмечалось, в бывшем дворце Эльфи-бея. Впрочем, и она располагалась не в глубине городских кварталов, а на их окраине: сразу за садом дворца начиналась сельская местность – пригородные поля и посадки фруктовых деревьев. В «Докладе» численность гарнизона штаб-квартиры определена примерно в 200 чел.⁶⁷, что несколько выше цифр, приведенных в таблице. Очевидно, разница возникла из-за того, что в ней не учтены пешие гиды, также оставленные Клебером в Каире. Согласно данным на 25 мая 1800 г., то есть через месяц после окончания весенней кампании (более ранние сведения до нас не дошли), в Восточной армии находились в строю 98 пеших гидов (6 офицеров и 92 рядовых и унтер-офицера)⁶⁸, что примерно и соответствует указанной разнице.

⁶⁷ Rapport. P. 747.

⁶⁸ État de la situation des troupes composant l'Armée d'Orient au 5 prairial (sic!) an 8e Rep. – SHD/DAT. B⁶ 188.

И вот этим менее чем двум тысячам французских солдат и офицеров во главе с комендантом города бригадным генералом Ж.-А. Вердье предстояло держать в повиновении полумиллионную⁶⁹ столицу Египта.

Начало восстания

Согласно официальной французской версии, изложенной в «Докладе» и получившей затем распространение в историографии, Второе каирское восстание стихийно началось в Булаке, когда ушедшие из Каира основные силы армии Клебера вступили в сражение с войсками великого визири:

«Несколько часов спустя после начала битвы при Гелиополисе восстание вспыхнуло в городе Булак; его жители под руководством небольшой группы османов подняли белые знамена⁷⁰, вооружились ранее припрятанными ружьями и саблями, вышли за городскую стену и яростно бросились на форт Камен, гарнизон которого насчитывал всего лишь десять человек. Комендант приказал открыть по ним артиллерийский огонь картечью, и они тут же рассеялись. Самые фанатичные упорствовали в нападении, пока отправленные генералом Вердье стрелки и энергичная вылазка из главной штаб-квартиры не вынудили их отступить. Тогда обитатели Булака ограничились стрельбой по французским войскам, с какой бы стороны те ни пытались бы войти в город»⁷¹.

Однако эта версия происшедшего не подтверждается независимыми свидетельствами французских участников событий. Так, офицер конной артиллерии Ришардо, вообще настроенный весьма критично к сведениям, изложенным в «Докладе» (он ознакомился с ним в приложении к воспоминаниям Л.-А. Бертье о Египетском походе⁷² и решил, что документ тоже вышел из-под пера маршала), замечает в своих мемуарах относительно вышеприведенного фрагмента: «Нет, жители ни Булака, ни Каира не “вооружались ранее припрятанными ружьями и саблями”! Припрятанное жителями оружие! Невозможно!»⁷³ Действительно, труд-

⁶⁹ См.: *Ture N.* Op. cit. P. 105.

⁷⁰ Согласно шариатским текстам, пророк Мухаммед сражался под белым знаменем (аль-Лива).

⁷¹ *Rapport.* P. 746.

⁷² *Mémoires du Maréchal Berthier.* Pt. 1: *Campagne d'Égypte.* P., 1827. P. 386–433.

⁷³ *Richardot Ch., le lieutenant-colonel.* Op. cit. P. 270.

но представить себе, что горожане могли сохранить у себя значительные запасы оружия при установленном французами жесточайшем полицейском режиме, из-за которого в городе царила атмосфера тотальной слежки и доносительства.

Не совпадает версия «Доклада» и с тем, что говорится о начале восстания в отчете Мишо. По его словам, детонатором бунта стало вступление в Каир остатков разбитого у деревни Матария авангарда армии визиря – отряда турок и мамлюков под командованием Насуф-паши и Ибрагим-бея:

«29 вантоза [20 марта] в Каире стали заметны первые искры того пламени, которое тлело с момента прибытия туда османов, бежавших или, скорее, посланных из лагеря визиря. Было проявлено так мало предусмотрительности, чтобы затруднить им проникновение [в город], и мер, чтобы изгнать их оттуда, что в день битвы при Матарии их там уже находилось изрядное количество.

От пяти до шести тысяч турок и мамлюков с Насуф-пашой, командиром авангарда визиря, и Ибрагим-беем во главе, избежав разгрома при Гелиополисе, <...> по частям проникло в Каир с разных сторон, в основном через ворота Баб ан-Наср, на протяжении 29–30 вантоза [20–21 марта]. 30 вантоза прозвучало несколько ружейных выстрелов на площади «Эзбекийя» и т.д.⁷⁴

Таким образом, согласно Мишо, первые боевые столкновения в Каире последовали лишь за приходом войск Насуф-паши, о событиях же в Булаке не говорится ни слова.

Однако почему мы должны отдавать предпочтение отчету Мишо перед официальным «Докладом»? Самого Мишо в момент начала восстания, скорей всего, в Каире не было, и он вместе с другими офицерами штаба сопровождал Клебера на поле боя. В пользу такого предположения говорит то, что его пространный рассказ о сражении при Гелиополисе содержит намного больше подробностей, чем довольно схематичное описание им первых дней восстания, сделанное, очевидно, с чужих слов.

Тем не менее в данном отношении служебный отчет Мишо внушает больше доверия, чем «Доклад», поскольку подтверждается показаниями непосредственных очевидцев начала бунта. Среди французов таковых, естественно, было немного: те из них, кому не повезло ока-

⁷⁴ [Michaux A.-E.]. Op. cit. P. 83–84.

заться в тот день на улицах Каира, в большинстве своем не дожили до следующего дня. Но кое-кому все же удалось спастись, как, например, типографу Галану. Не предупрежденный заранее о разрыве перемирия, он, прихватив с собой лишь самое необходимое, едва успел сбежать из Европейского квартала, где уже начинался погром христиан,⁷⁵. Так вот Галан прямо связывает начало бунта с прибытием в город Насуф-паши: «Поддержанный беями, он вскоре поднял на восстание народ Каира, встретивший его с ликованием»⁷⁶.

Версия Мишо подтверждается также свидетельствами арабских очевидцев восстания. Ат-Турк 20 марта, скорей всего, находился в Каире, о чем, как и в случае Мишо, мы можем с большой долей вероятности судить, сравнивая описание им двух одновременно имевших место событий – сражения при Гелиополисе и начала Каирского восстания, ведь очевидцем можно было быть только одного из них. И вот, в отличие от Мишо, ат-Турк дает совершенно фантастическую картину битвы, даже отдаленно не схожую с тем, что мы знаем о ней из других источников. Зато его рассказ о происходившем в городе, напротив, вполне согласуется со свидетельством такого их непосредственного очевидца, как ал-Джабарты, о котором пойдет речь ниже. Соответственно гораздо более вероятным выглядит предположение, что в тот день ат-Турк все же находился в Каире. Правда, остается открытым вопрос: где именно? Для сирийского христианина, прикомандированного к штабу французской армии, пребывание непосредственно на улицах мятежного города могло оказаться фатальным. Но как бы то ни было, ат-Турк напрямую увязывает начало восстания с приходом в Каир турок Насуф-паши и мамлюков Ибрагим-бея:

«Насуф-паша и мамлюки <...> вступили утром в Каир через ворота Баб ан-Наср. Это был ужасный миг, самый страшный момент за время восстания, поскольку поднялся весь город»⁷⁷.

И, наконец, обратимся к наиболее авторитетному из свидетелей – ал-Джабарты. Для него, в отличие от французов и местных христиан, мятежная толпа не представляла угрозы: шейх мечети ал-Азхар, он принадлежал к числу наиболее уважаемых жителей города. Не удивительно поэтому, что именно его хроника дает наиболее подробную и нюансированную картину развития событий:

⁷⁵ [Galland A.]. Op. cit. P. 252–253.

⁷⁶ Ibid. P. 251.

⁷⁷ Turc N. Op. cit. P. 101.

«Между тем среди жителей Каира, услышавших пушечную стрельбу, начались всякие толки и пересуды, но никто из них не знал истинного положения дел. Жители заволновались, устремились на окраины города и убили нескольких французов, выходивших из города и направлявшихся к своим соотечественникам. Толпа каирского простонародья проникла во французский лагерь [откуда ночью ушла армия Клебера. – А. Ч.] и разграбила все, что там нашла, например изделия из дерева и меди и тому подобное».

Многие авторитетные люди города, пишет ал-Джабарти вышли за крепостные стены посмотреть, что происходит:

«За ними последовала большая толпа простонародья. Все собрались за Баб ан-Наср на холмах. Многие из них были вооружены дубинами и палками, некоторые имели оружие. Многочисленные группы простонародья, черни и бродяг с шумом и криками двигались по улицам и по окрестностям Каира, перебрасываясь по дороге всякими вздорными словами собственного изобретения. Таким образом все жители города поднялись, и многие из них вышли за пределы города.

<...> Так продолжалось до полудня, когда с криком и шумом появилась большая толпа тех самых жителей, которые ранее вышли из города, как мы об этом рассказывали выше. За этой толпой шел Ибрахим-бей. <...> Далее двигался Насух-паша с большим числом солдат.

<...> В это время Насух-паша, обращаясь к простонародью, сказал: «Убивайте христиан! Ведите священную войну с ними!□. Услышав эти слова, народ зашумел. Раздались выкрики. Толпа двинулась, убивая попадавшихся на ее пути христиан – коптов, сирийцев и других...»⁷⁸

Таким образом, ал-Джабарти во всех деталях рисует процесс созревания восстания. Сначала – всеобщее смятение и замешательство, когда горожане поутру обнаружили, что ненавистная внешняя сила, заставлявшая их месяцами держать под спудом недовольство, вдруг исчезла, будто ее и не было. Ощущение вакуума власти. Смутные надежды, вызванные звуками канонады: в городе знают, сколь велика армия визиря по сравнению с силами «неверных», и верят в ее победу. В обстановке охватившего всех возбуждения ал-Джабарти особо выделяет роль городских низов («простонародья, черни и бродяг»). Маргинальные элементы представляли собою наиболее подвижную часть общества, постоянно балансировавшую на грани правового поля и наи-

⁷⁸ Абд ар-Рахман ал-Джабарти. Указ. соч. С. 250–251.

более легко ее преступавшую. Первые спорадические правонарушения не заставляют себя ждать: одиночные убийства французов и разграбление оставленного армией Клебера лагеря. Восстание еще не вспыхнуло, но, как выразился Мишо, первые искры уже появились. И все же огонь массового вооруженного бунта, согласно свидетельству ал-Джабарты, раздуло из этих искр лишь вступление в Каир отрядов Насуф-паши и Ибрагим-бея. Завершая же свое повествование о восстании, ал-Джабарты особо подчеркивает: «Все рассказанное выше произошло *из-за нарушения мира и прихода турок и их солдат в город*. Они заставили жителей совершить недостойные дела, в результате чего произошло все вышеизложенное»⁷⁹.

Таким образом, представленная в отчете Мишо версия возникновения Второго каирского восстания подтверждается данными других источников, а потому выглядит гораздо более убедительной, чем официальная версия, представленная Клебером в «Докладе».

Вероятно, в последнем изложении событий того дня подверглось такому же редактированию в политических целях, как и описание битвы при Гелиополисе. В своей статье об этом сражении мне уже приходилось отмечать, что прорыв турок и мамлюков к Каиру стал следствием допущенной Клебером ошибки: в начале боя он на мгновение позволил себе увлечься призрачной надеждой добиться путем переговоров ухода турецкой армии и, когда неприятель попросил прислать парламентаря, приказал остановить движение французских войск по охвату деревни Матария. В результате захлопнуть «котел» не удалось, из-за чего часть авангарда Насуф-паши и ушла полями к Каиру. Учитывая, что главным читателем «Доклада» должен был стать Первый консул Франции Наполеон Бонапарт, с которым у Клебера были весьма непростые отношения, не удивительно, что командующий Восточной армии постарался максимально смягчить впечатление от своей промашки и с этой целью изменил в отчете о сражении хронологическую последовательность событий⁸⁰. Ту же цель, очевидно, преследовало и стремление показать в «Докладе», что восстание вспыхнуло само по себе, а не из-за прибытия в Каир турок и мамлюков, ставшего прямым следствием допущенной Клебером ошибки.

⁷⁹ Там же. С. 276. Курсив мой. – А.Ч.

⁸⁰ См.: Чудинов А.В. Указ. соч. С. 152–155.

Впрочем, отсюда никоим образом не следует, что мятеж в Булаке был выдумкой автора «Доклада». Ал-Джабарты подробно рассказывает и об этом событии, относя его, однако, к чуть более позднему времени и не упоминая ни о каком «ранее припрятанном» оружии:

«Что касается Булака, то там восстали все как один. Хаджи Мустафа ал-Баштили и другие ему подобные были полны решимости и подняли народ. Булакцы заготавливали палки и оружие, ковали копья и щиты. Первым делом восставшие отправились на берег Нила к палаткам, которые оставили там французы [возможно, речь идет об упомянутой выше припортовой карантинной зоне. – А. Ч.]. Около этих палаток находилась французская охрана. Восставшие перебили всех попавшихся им французов и разграбили все, что там находилось: палатки, имущество и так далее. Затем они вернулись в город, открыли принадлежавшие французам склады с зерном и имуществом и забрали там все, что хотели. После этого они соорудили вокруг города траншеи и баррикады и приготовились к священной войне»⁸¹.

Не исключено даже, что описанная в «Докладе» неудачная попытка булакцев захватить форт Камен действительно имела место, но лишь как один из эпизодов восстания, а не его пролог. Если так, то, стало быть, Клебер в своем отчете о происшедшем, ничего не додумывая от себя, опять лишь поменял последовательность фактов, в результате чего роль детонатора Второго каирского восстания оказалась отведена спонтанному мятежу жителей Булака, а не прибытию в египетскую столицу упущенных из Матарии турок Насуф-паши и мамлюков Ибрагим-бея.

К сожалению, имеющиеся у нас источники не дают четкого ответа на вопрос: сколько турок и мамлюков приняли участие в восстании? Ранее мы видели, что Мишо оценил их число приблизительно в 5–6 тыс. По мнению ат-Турка, таковых было 15 тыс.⁸² Клебер в «Докладе» уверенно говорит о 10 тыс. турецкой кавалерии, 2 тыс. мамлюков и 8–10 тыс. вооруженных египетских крестьян⁸³, которых, замечу от себя, великий визирь действительно в массовом порядке призывал в ряды своей армии после вступления в Египет⁸⁴. И наконец,

⁸¹ Абд ар-Рахман ал-Джабарты. Указ. соч. С. 260.

⁸² Turc N. Op. cit. P. 105.

⁸³ Rapport. P. 746–747.

⁸⁴ Подробнее см.: Чудинов А.В. Указ. соч. С. 142–143.

турецкий министр Осман Катхода⁸⁵ в письме Мустафа-паше от 28 марта 1800 г. оценил общую численность турецких и арабских войск, оборонявших Каир, в 30 тыс. чел.⁸⁶ Правда, если учесть, что Мустафа-паша в тот момент находился в плену у французов и выступал посредником в заочных переговорах между Клебером и Насуф-пашой, то сообщенные ему Османом Катхой цифры вполне могли быть преувеличены в расчете на передачу их французам. Более же достоверными данными мы, увы, не обладаем. Тем более не поддается исчислению количество участвовавших в восстании жителей Каира. Если свидетельства очевидцев, говоривших о том, что это было практически всё взрослое мусульманское население полумиллионного города⁸⁷, верны хотя бы отчасти, то и тогда речь должна идти о десятках тысяч человек.

Впрочем, французские источники, как правило, не проводят различий в национальной принадлежности защитников города и называют их всех «турками», из-за чего трудно оценить вклад каждой из названных групп участников восстания в общее дело обороны Каира.

Погром христиан

Стихийный характер восстания и отсутствие у его предводителей какого бы то ни было заранее подготовленного плана стали очевидны уже с первых часов выступления: взбунтовавшиеся жители Каира направили свою ярость не на тех, кто представлял для них реальную угрозу, — еще остававшихся в городе французских военных, а на тех, кто был ближе и наименее защищен, — на обитавших в Каире европейцев («франков») и местных христиан. В описании произошедшего погрома свидетельства французских и арабских источников примерно совпадают. Вот что об этом говорится в «Докладе»:

«Насуф-паша немедленно направился в Европейский квартал, чернь последовала за ним. Он приказал открыть ворота, и хотя двое купцов припали к его стопам, показывая охранную грамоту от великого визиря, солдаты и чернь ринулись внутрь. Они выламывали двери домов, лавок и контор; обитателей убивали, не обращая внимания на возраст, пол

⁸⁵ Катхода или кяхья — в мусульманском Египте заместитель должностного лица. Осман Катхода занимал в иерархии турецкого командования в Каире второе место после Насуф-паши.

⁸⁶ Kléber en Égypte 1798–1800. Т. 4. Р. 781.

⁸⁷ Абд ар-Рахман ал-Джабарти. Указ. соч. С. 255.

и национальность, и бросали тела в канал Халидж. Все имущество торговцев подверглось разграблению меньше чем за час, а квартал был подожжен.

<...> Пока одни поднимали белые знамена, муэдзины слали проклятия неверным, мамлюки и янычары рыскали по городу, чернь с ужасными криками следовала за ними, а женщины и дети улюлюкали, что является обычным способом выражения радости. Дома коптов, греков, сирийских христиан подверглись нападению; и множество этих несчастных, не имея никакой защиты, было перебито; их тела, выброшенные на улицу, лежали там на протяжении всей осады, подвергаясь поруганию»⁸⁸.

Правда, уже известный нам скептический мемуарист Ришардо ставит под сомнение нарисованную в «Докладе» картину происшедшего, называя ее плодом «пылкого воображения» автора, каковым, напомним, он считал маршала Бертье. И хотя сам Ришардо 20 марта находился на поле боя под Гелиополисом и происходившего в Каире не видел, он, по его собственному утверждению, нашел после окончания осады Европейский квартал точно в таком же состоянии, как до прихода турок. А встреченные им там знакомые заверили его, что под властью турок не терпели никаких притеснений, кроме денежных поборов⁸⁹. На это можно заметить только то, что знакомым Ришардо, видимо, просто повезло, поскольку в данном отношении сведения столь нелюбимого им «Доклада» полностью подтверждаются арабскими источниками, в том числе хроникой ал-Джабарти, наблюдавшего за происходившим с другой стороны фронта:

«...Толпа двинулась, убивая попадавших на ее пути христиан – коптов, сирийцев и других. Одна группа направилась в христианские кварталы, к домам христиан в районе Байна-с-Сурайн, Баб аш-Ша'рийа и в квартале ал-Муски. Они врываются в дома, грабили, убивали или захватывали попадавших им мужчин, женщин и детей. Так они поступали и с жившими по соседству мусульманами»⁹⁰.

Еще подробнее о страданиях своих единоверцев-христиан рассказывает ат-Турк:

«Население не нашло другого объекта для осуществления своей мести, как несчастных, беззащитных христиан. Чернь поспешила сна-

⁸⁸ Rapport. P. 746–747.

⁸⁹ Richardot Ch., le lieutenant-colonel. Op. cit. P. 270–271.

⁹⁰ Абд ар-Рахман ал-Джабарти. Указ. соч. С. 251–252.

чала в Европейский квартал, где жили французские купцы, уже за многие годы до того обосновавшиеся в Каире. Там находилось человек пятьдесят: мужчин, женщин, детей – мальчиков и девочек. Ворота квартала были выломаны, что вызвало подле них толчею. Обитателей резали, как баранов; женщин и девушек обращали в рабство; мальчиков отправляли на продажу; и лишь немногим из мужчин удалось избежать этой бойни; стоимость расхищенных денег и вещей оценивается примерно в 2 тыс. «кошельков»⁹¹. Мусульманская часть населения словно с цепи сорвалась: она врывается в христианские кварталы, чтобы убивать и грабить. Тот четверг показал христианам, какие муки ожидают их в час Страшного суда. Многие умерли просто от потрясения»⁹².

В отличие от автора «Доклада», ат-Турк считал, что вся эта бойня христиан не только не инспирировалась пришедшими в город высокими должностными лицами Османской империи, но и не одобрялась ими. Он даже вложил в уста Османа Катходы назидательный монолог о том, что «убийство христианских подданных и разграбление их имущества запрещены всеми религиями». Осман Катхода, по словам ат-Турка, отправил в христианские кварталы стражу, чтобы прекратить погром, а повстанцев призвал к нападению на французские позиции именно для того, чтобы отвлечь их от истребления местных христиан. Ал-Джабарти же свидетельствует, что истребление христиан, напротив, и возглавлялось, и материально поощрялось турецкими сановниками, причем не только в первые часы восстания, но в последующие дни:

«Осман Катхода постоянно находился в торговом дворе Зу-л-Факара в ал-Джамалийе, и всякий, кто хватал христианина, еврея или француза, отводил его в ал-Джамалийу, где находился Осман Катхода, и получал за это награду. Некоторых людей посадили в тюрьму для установления их вины, а некоторых невиновных убили. Возможно, что и простой народ тоже кое-кого убивал. Головы убитых приносились для получения награды. Таким образом, каждый, отрубивший голову фран-

⁹¹ «Кошелек» (*франц.* bourse) – принятая в Египте мера для подсчета больших сумм денег. Так, необходимая для существования всей Восточной армии в течение трех месяцев перемирия и подготовки к эвакуации сумма насчитывала, согласно Эль-Аришскому соглашению, 3 тыс. «кошельков» по 500 турецких пиастров в каждом, выплатить которые обязывалась турецкая сторона. – Kléber en Égypte 1798–1800. Т. 4. Р. 545.

⁹² *Turc N. Op. cit.* Р. 101.

цузу, приносил ее или Насух-паше в ал-Азбакийу, или Осману Катходе в ал-Джамалийу и получал за это деньги»⁹³.

Жертвами погрома стали не только иноверцы, но и мусульмане, сотрудничавшие с французской администрацией. Секретарь дивана Абу ибн Ибрагим Сабах Аккауи, пишет ат-Турк, «был зарезан на пороге собственного дома»; убит за свои симпатии к французам некий Абд ал-Кадер Багдади; «были перебиты также все слуги-мусульмане, которых заподозрили в услужении французам»⁹⁴. Дом шейха ал-Бакри, обвиненного в сочувствии оккупантам, был, по свидетельству ат-Турка и ал-Джабарти, разграблен солдатами и простонародьем, а сам шейх подвергся поруганию и был спасен только вмешательством Османа Катходы⁹⁵. Наиболее же ненавистный из «коллораационистов» – начальник полиции Мустафа Ага – был захвачен турецкими солдатами и доставлен к Насуф-паше, который приказал его, по версии Клебера, посадить на кол, по свидетельству ат-Турка – повесить, а по словам ал-Джабарти – задушить и выбросить тело в помойную яму⁹⁶.

В связи с эпизодом ареста начальника полиции Клебер в «Докладе» приводит довольно любопытную историю. У Мустафы Ага в доме скрывались восемь французских солдат с сержантом Кламом (Klam) во главе. Обнаруженные повстанцами, они сами атаковали их, положив нескольких на месте и заставив остальных держаться на расстоянии. Более одного лье (около 5 км) отважная восьмерка шла по улицам города до Цитадели, преследуемая неприятелем. Трое из ее числа получили ранения, но с помощью товарищей добрались до своих⁹⁷. Столь чудесное спасение, вероятно, стало возможным не только благодаря хладнокровию и боевой выучке французских военных, но в немалой степени и тому, что в самом начале восстания жители Каира еще испытывали перед ними трепет, который с накоплением боевого опыта вскоре пройдет. Обретение же такого опыта не заставило себя ждать.

⁹³ *Абд ар-Рахман ал-Джабарти*. Указ. соч. С. 254.

⁹⁴ *Turc N. Op. cit.* P. 102, 106.

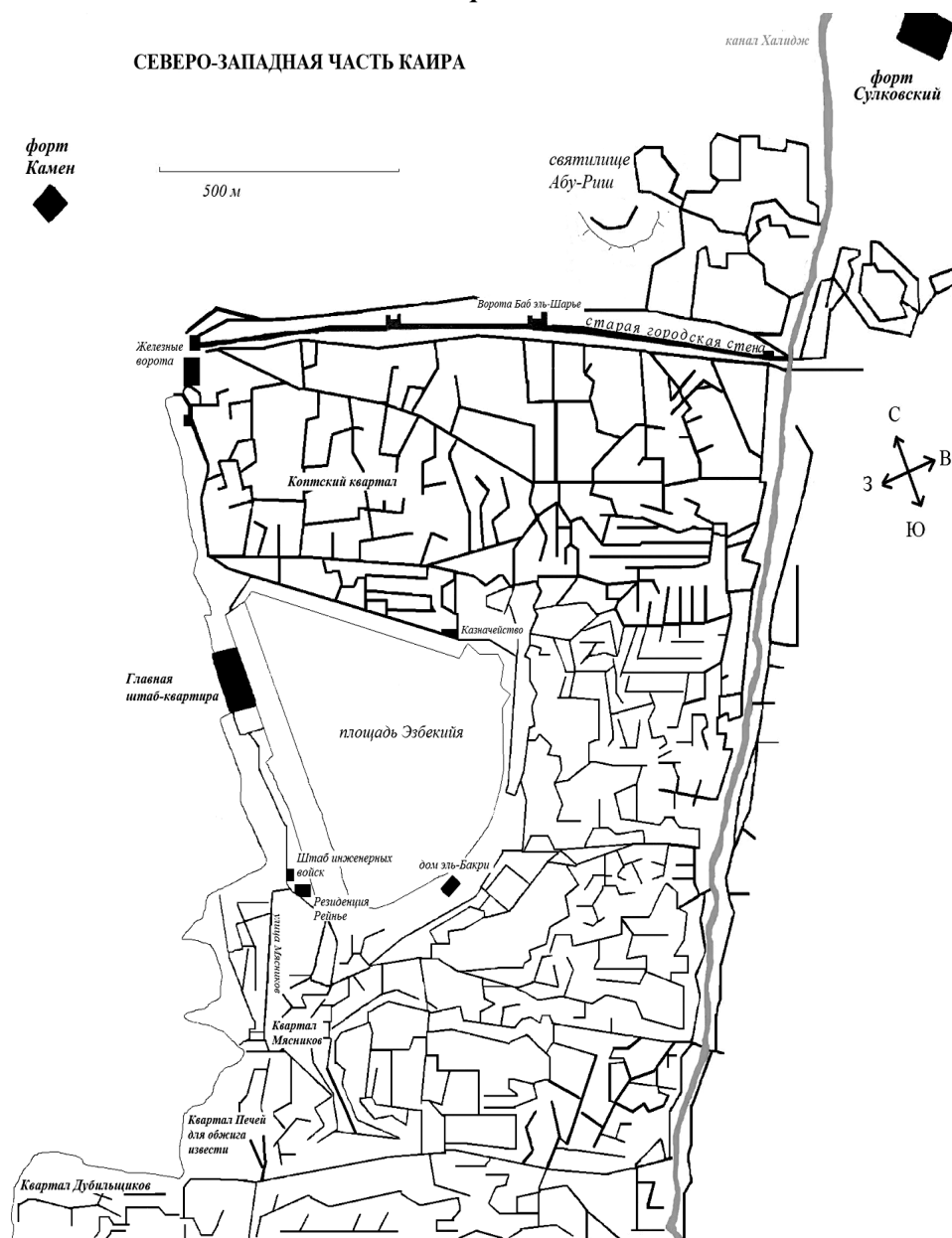
⁹⁵ *Ibid.*; *Абд ар-Рахман ал-Джабарти*. Указ. соч. С. 256.

⁹⁶ *Rapport*. P. 747; *Turc N. Op. cit.* P. 105; *Абд ар-Рахман ал-Джабарти*. Указ. соч. С. 262.

⁹⁷ *Rapport*. P. 747–748. По словам ал-Джабарти, который, правда, не приводит в этой связи никаких цифр, большинство обнаруженных в доме Мустафы Ага французов было все же убито, а спастись удалось только нескольким. – *Абд ар-Рахман ал-Джабарти*. Указ. соч. С. 262.

Карта 2

СЕВЕРО-ЗАПАДНАЯ ЧАСТЬ КАИРА

Осада главной штаб-квартиры

О том, когда именно турецким и мамлюкским военачальникам удалось взять под контроль стихию народного бунта и направить ее против французских войск, – в день начала восстания 20-го или уже 21 марта – сведения источников разнятся. По словам авторов «Доклада» и ат-Турка, это произошло уже в первый день восстания⁹⁸. Мишо утверждает, что бои на площади Эзбекийя начались только в пятницу 21-го⁹⁹. Однако если учесть, что отправленный Клебером из Эль-Ханка отряд генерала Ж. Лагранжа прибыл в главную штаб-квартиру 21 марта после полудня, когда бои в городе шли уже два дня¹⁰⁰, предпочтение явно следует отдать первой версии и датировать начало военных действий в городе **20 марта**.

Здание главной штаб-квартиры Восточной армии было удачно расположено для обороны (см. Карта 2). С востока оно выходило на площадь Эзбекийя, представлявшую собою открытое, хорошо простреливаемое пространство. С севера приблизиться к дворцу можно было лишь через Коптский квартал, оказавшийся для повстанцев, как мы увидим далее, непреодолимой преградой. С запада дворцовый сад выходил на открытую сельскую местность. Наиболее доступным для атакующих был подход с юга, через квартал больших, богатых домов на площади Эзбекийя. Однако некоторые из этих зданий и прежде всего наиболее значительные из них – штаб инженерных войск и резиденция генерала Ренье, были также заняты французской пехотой. Как только началось восстание, французы принялись спешно укреплять свои позиции, используя подручные материалы. У выходивших на площадь Эзбекийя ворот дворца был для защиты от пуль устроен импровизированный бруствер из сваленных в кучу матрасов и подушек (в дальнейшем его заменят грунтовым бруствером), за которым поставили артиллерийское орудие. Улицу, ведущую к штаб-квартире с юга, перекрыли баррикадой¹⁰¹.

Восставшие не решились наступать на главную штаб-квартиру по открытому пространству площади, а, как отмечает Мишо, попытались подобраться к ней через жилые кварталы с севера и с юга:

«Дом главнокомандующего стал убежищем, где все остававшиеся в Каире французы укрылись в ночь перед сражением при Матарией. Враг, овладев городом, захотел выбить французов также из этого здания. Сначала он попытался занять дома, окружавшие площадь: от дома ге-

⁹⁸ Rapport. P.747; *Turc N.* Op. cit. P. 102.

⁹⁹ [Michaux A.-E.]. Op. cit. P. 84.

¹⁰⁰ Rapport. P.748; *Turc N.* Op. cit. P. 104; *Moiret J.-M.* Op. cit. P. 146.

¹⁰¹ [Michaux A.-E.]. Op. cit. P. 84.

нерала Рейнье до штаб-квартиры и от него же, в обход всей площади, до самого Казначейства»¹⁰².

Южнее штаб-квартиры наступающие наткнулись на вышеупомянутую баррикаду и, по словам Мишо, потеряли в бою одного из военачальников – кашифа¹⁰³.

На другой день, **21 марта**, бои возобновились с новой силой. Насуф-паша, по свидетельству ал-Джабарты, в пятницу с утра отправил людей в деревню Матария, откуда днем ранее бежал от Клебера, и они привезли в город три брошенные там турецкие пушки: французы оставили их на поле боя, заклепав стволы. Орудия исправили, после чего восставшие направились к площади Эзбекийя:

«Тогда Насиф-паша встал, засучил рукава, подпоясался и двинулся вперед. Его сопровождали пешком мамлюкские беи. Впереди волокли три пушки. Установив их в ал-Азбакийе, открыли огонь по дому ал-Алфи [Эльфи-бея], в котором находился отряд французских солдат. Те открыли ответный огонь из пушек и ружей. Бой продолжался весь день и утих только к вечеру»¹⁰⁴.

Заметим, правда, что французские источники фиксируют начало применения повстанцами артиллерии тремя днями позднее – 24 марта¹⁰⁵.

Севернее штаб-квартиры повстанцам преградили путь жители квартала коптов. Ими руководил один из наиболее влиятельных лидеров коптской общины Якуб Сайиди. До прихода Восточной армии он, как сообщает ат-Турк, служил секретарем у мамлюкского бея Сулеймана, но затем перешел к французам и в составе корпуса генерала Дезе участвовал в покорении Верхнего Египта: «Это был храбрый в бою человек, надежный, как скала. Очень богатый, он накопил много оружия и возглавил оборону»¹⁰⁶. Практически в тех же выражения о нем отзывается и ал-Джабарти – редкий для имеющих у нас источников случай полного совпадения оценок: «Что касается Йакуба, то он, собрав солдат и много оружия, укрепился в своем доме на Дарб ал-Васи, в районе ар-Рувайи и в своей крепости, которую он соорудил после первого сражения [т.е. после Первого Каирского восстания 1798 г.]»¹⁰⁷.

Трагизм положения французов, оборонявшихся в главной штаб-квартире, усугублялся тем, что и на второй день осады они все еще

¹⁰² Ibid.

¹⁰³ Ibid. Кашиф – губернатор провинции в османском Египте.

¹⁰⁴ Абд ар-Рахман ал-Джабарти. Указ. соч. С. 252.

¹⁰⁵ Moiret J.-M. Op. cit. P. 147; [Michaux A.-E.]. Op. cit. P. 84.

¹⁰⁶ Turc N. Op. cit. P. 104.

¹⁰⁷ Абд ар-Рахман ал-Джабарти. Указ. соч. С. 261.

ничего не знали об исходе генерального сражения: если бы Клебер потерпел неудачу, помощи им ждать было бы неоткуда. Ат-Турк, который, судя по его подробному описанию происходившего во дворце Эльфи-бея, находился в главной штаб-квартире, так передает драматизм ситуации:

«Эти два дня, четверг и пятница, оказались очень тяжелыми для обитателей [дома на площади] Эзбекия, осажденных тысячами разъяренных людей. Они и впрямь полагали, что настал их последний час. Восемьдесят солдат, составлявших охрану [дома] главнокомандующего, сдерживали ожесточенный натиск, будучи окружены со всех четырех сторон. Отчаявшись, они уже обсуждали, как в ночь с пятницы на субботу укрыться во дворце Каср эль-Айни¹⁰⁸, чтобы затем переправиться на другой берег [Нила] в Гизу. <...> Однако после полудня к ним прибыл кавалерист, который сообщил, что следом за ним движутся еще триста кавалеристов, что армия великого визиря бежит в Газу и что французские войска мало-помалу вскоре будут возвращаться в столицу. Эта весть обрадовала их и воодушевила»¹⁰⁹.

Строго говоря, за гонцом, принесшим добрую весть, следовало не триста кавалеристов, а сводный отряд пехоты под командованием бригадного генерала Ж. Лагранжа. Одержав победу под Гелиополисом, армия Клебера вечером 20 марта остановилась на ночлег в захваченном ею лагере великого визиря в Эль-Ханка. Отсюда Клебер в час ночи отправил в Каир два батальона 25-й линейной полубригады, один – 61-й линейной полубригады, один – 75-й линейной полубригады и с ними четыре орудия¹¹⁰, что должно было составлять примерно 1200 чел. Ж.-М. Муаре, офицер 25-й полубригады, попавший в отряд Лагранжа так описывал их переход:

«Едва мы прибыли на [равнину] Куббэ, как увидели направляющуюся к нам многочисленную кавалерию. Вместо того чтобы развлечься, сразившись с нею, мы постарались от нее уклониться и продолжили свой путь к Каиру. Однако она насккивала на нас, и мы были вынуждены время от времени отбрасывать ее ружейным огнем. Это неудобство не помешало нам прибыть в главную штаб квартиру в три часа пополудни»¹¹¹.

¹⁰⁸ Французы его называли «фермой Ибрагим-бея».

¹⁰⁹ *Turc N.* Op. cit. P. 104.

¹¹⁰ *L'état-major de Kleber en Égypte.* P. 74 ; *Moiret J.-M.* Op. cit. P. 145.

¹¹¹ *Moiret J.-M.* Op. cit. P. 145-146. Содержащееся в отчете Мишо утверждение о том, что «Генерал Лагранж, выйдя из лагеря в Эль-Ханка 30 вантоза [21 марта], прибыл в Каир 2 жерминаля [23 марта]» (*Michaux A.-E.*). Op. cit. P. 84), представляется явно ошибочным. Трудно представить себе, что для преодоления 18 км, отделяющих Эль-Ханка от Каира, Лагранжу потребовалось бы три дня.

Прибытие Лагранжа оказалось как нельзя вовремя и фактически спасло защитников главной штаб-квартиры, что признает в «Докладе» и Клебер:

«Основной целью Насуф-паши был захват главной штаб-квартиры, но он не смог этого сделать: двести французов выдержали небывалую осаду против объединенных сил мамлюков, османов и мятежников. Они даже заняли несколько соседних домов, откуда их стали активно теснить, когда показалась колонна генерала Лагранжа, прибывшая из Эль-Ханка. Перед ней появился отряд в 4 тыс. кавалеристов, как османов, так и мамлюков. Генерал Лагранж построил свои четыре батальона в каре и приготовился встретить атаку. Ружейный огонь и несколько артиллерийских выстрелов рассеяли нападавших, наши войска продолжили марш, и около двух часов пополудни 30-го [вантоза (21 марта)] генерал Лагранж вступил в штаб-квартиру. Он оказал помощь столь же необходимую, сколь и неожиданную, и принес первую весть о победе [при Гелиополисе]»¹¹².

Хрупкое равновесие

Прибытие отряда Лагранжа хотя и позволило французам удержать штаб-квартиру, но отнюдь не переломило ситуацию. На стороне восставших по-прежнему оставался огромный численный перевес, и они были исполнены решимости продолжать борьбу. «Ночь, – сообщает ал-Джабарти, – жители города провели возле укреплений. Когда стемнело, французы открыли артиллерийский огонь из Цитадели и фортов по городу, прежде всего по кварталу ал-Джамалийя, где собралась большая часть жителей»¹¹³. Вместе с тем, свидетельствует Галан, из-за недостатка боеприпасов эта бомбардировка велась медленно и с большими интервалами¹¹⁴.

С утра **22 марта** военные действия вокруг дворца Эльфи-бея продолжались. В них, по свидетельству ал-Джабарти, участвовали уже не только профессиональные военные – турецкие солдаты и мамлюки, но и тысячи вооруженных чем придется горожан:

«Когда наступила суббота, военачальники, солдаты и жители Каира, за исключением больных, которые не имели сил участвовать в войне, приготовились к борьбе. Большая их часть направилась в сторону ал-

¹¹² Rapport. P. 747; *Ture N.* Op. cit. P. 102.

¹¹³ *Абд ар-Рахман ал-Джабарти*. Указ. соч. С. 252–253.

¹¹⁴ [Galland A.] Op. cit. P. 256.

Азбакийи. многие расположились в пустых домах, а некоторые – за баррикадами.

Они взяли с собой, кроме трех, упомянутых выше, еще несколько пушек, которые были найдены закопанными в домах эмиров, а также забрали из лавок торговцев пряностями каменные и железные гири, которыми взвешивали товары, и, используя их вместо ядер, начали обстреливать дом Верховного главнокомандующего в ал-Азбакийе»¹¹⁵.

В тот же день, в субботу 22 марта, французы, получившие накануне подкрепление, попытались перехватить инициативу. С утра, пишет Муаре, его батальон занял позицию на площади Эзбекийя. Сначала все было спокойно, но как только в 8 часов французы попытались, видимо, через площадь, продвинуться в сторону Европейского квартала, чтобы оказать помощь его обитателям, они столкнулись «с весьма упорным и хорошо организованным сопротивлением» защитников баррикад, перекрывавших соседние улицы. Когда командир батальона, несколько офицеров и солдат получили серьезные ранения, французам пришлось отступить. Повстанцы «с быстротой орла» бросились через площадь в контратаку, но попали под ураганный огонь неприятеля. «Неоднократно раз повторявшиеся и удачно попавшие ружейные и орудийные залпы, – пишет Муаре, – серьезно проредили их ряды; и после нескольких отчаянных попыток те, кому не пришлось грызть землю, поняли, что для них же будет лучше не лезть на нас с фронта»¹¹⁶.

Гораздо более эффективными, по признанию того же Муаре, оказались попытки восставших приблизиться к штаб-квартире через жилые кварталы: «Целая толпа других [повстанцев], не менее бесстрашных, пробиралась из дома в дом, дырявя смежные стены, и добралась до тех [зданий], которые оборонялись нашими. Последние были вынуждены отступить перед превосходящими силами и потеряли несколько человек». Наступление повстанцы вели одновременно со стороны резиденции Рейнье и через Коптский квартал. «Таким образом, они смогли бы атаковать главную штаб-квартиру. Дабы им воспрепятствовать, – сообщает Муаре, – мы вели огонь направо и налево, что вскоре остановило их продвижение и в немалой степени охладило их пыл»¹¹⁷.

В ночь с 22 на 23 марта, по свидетельству Мишо, французы отбили у противника занятые им накануне дома близ площади и в наи-

¹¹⁵ Абд ар-Рахман ал-Джабарти. Указ. соч. С. 252–253.

¹¹⁶ Moiret J.-M. Op. cit. P. 147.

¹¹⁷ Ibid. P. 146–147.

более важных из них оставили охрану. Однако утром **23 марта** повстанцы проникли сначала в пустые здания, а затем, передвигаясь из одного в другое, вновь выдавили французов отовсюду, кроме резиденции генерала Рейнье и штаба инженерных войск¹¹⁸. Днем 23-го, пишет Муаре, «они нас вновь атаковали таким же образом [как днем ранее], но с еще меньшим успехом, чем накануне»¹¹⁹.

В ночь с 23 на 24 марта, по свидетельству канонира Брикара, бедуины подошли к самой Гизе, решив очевидно, воспользоваться общей неразберихой и разжиться добычей если не у французов, то у местных крестьян:

«...Часовой поднял тревогу на укреплениях Гизы. Стояла такая темнота, что невозможно было различить равнину. Нескольких пушечных и с полсотни ружейных выстрелов наугад обратили арабов бегство. Утром мы увидели в поле множество людей, бежавших из деревень со своим скотом, который арабы хотели у них угнать»¹²⁰.

Хотя за первые четыре дня восстания ни одна из сторон не смогла склонить чашу весов на свою сторону, общий итог борьбы в указанный период был все же скорее в пользу повстанцев. Это касается и организационной, и военной стороны дела.

Турецкому командованию и мамлюкам удалось взять народную стихию под свой контроль и наладить достаточно эффективную систему управления военными операциями. Как свидетельствует ал-Джабарты, по всем стратегически важным пунктам города были распределены отряды турецких солдат и мамлюков, возглавляемые турецкими командирами и мамлюкскими беями. Каждый из таких отрядов фактически становился тем боевым ядром, вокруг которого группировалась многочисленная, но менее организованная масса вооруженных жителей соответствующего района. Подобная децентрализация командования позволяла быстро реагировать на возникавшие угрозы, поскольку конкретные тактические решения принимались на месте. Вместе с тем существовал и своего рода стратегический резерв: «Часть турецких солдат и присоединившихся к ним жителей находились в квартале ал-Джамалийя, и если к ним присылали за подкреплением гонца из какого-либо района, они посылали туда часть своих людей».

¹¹⁸ [Michaux A.-E.]. Op. cit. P. 84.

¹¹⁹ Moiret J.-M. Op. cit. P. 146–147.

¹²⁰ Journal du canonnier Bricard. P. 495.

Как мы уже видели, все французские источники едины в констатации высокого боевого духа повстанцев. О том же пишет и ал-Джабартти: «Все жители Каира днем и ночью находились либо на улицах города – кто не мог воевать, либо на окраинах за баррикадами – кто обладал отвагой и мог сражаться. Никто не спал дома, кроме больных и трусов»¹²¹.

Восставшие старались по возможности нейтрализовать те два основных фактора, что с начала Египетской экспедиции обеспечивали победы французской армии над местными воинскими формированиями, – превосходство в артиллерии и в организации. Что касается артиллерии, то в Каире были налажены ремонт и производство артиллерийских орудий:

«Осман Катхода устроил мастерскую для производства боеприпасов в доме Каида Ага на улице ал-Хурунфиш. Сюда привели также оружейников, тележников, кузнецов и литейщиков и заставили их изготавливать пушки и бомбы, исправлять пушки, найденные в некоторых домах, делать колеса, ядра и так далее. Им доставляли все то, в чем они нуждались: дерево, ветки, железо. Сюда собрали также кузнецов, литейщиков и различных ремесленников, которые умели изготавливать военное снаряжение. <...> Осман Катхода уделил этой мастерской много внимания и израсходовал на нее большие средства. Привезли и остальные пушки, находившиеся в Матарийе, и всякий раз, когда подвозили пушку, за ней с криком и воплями следовала большая толпа черни и детей. Они выкрикивали: “Аллах! Дай победу султану! Погуби неверных!” и подобные этому слова»¹²².

Преимущество же французской армии в военной организации существенно нивелировалось условиями городской войны. Если в поле отработанные до автоматизма навыки быстрого перестроения и ведения беглого огня позволяли французам одерживать верх над многократно превосходившим их по численности полчищами восточных воинов, то в городе противникам приходилось сражаться в ближнем бою на ограниченном для маневра пространстве. После окончания восстания Клебер рассказывал генералу Ланюсу: «Это совершенно адская война – война в водосточах и на баррикадах; наши солдаты первое время не хотели в нее ввязываться...»¹²³ И повстанцы это быстро поняли. Как

¹²¹ Абд ар-Рахман ал-Джабартти. Указ. соч. С. 255.

¹²² Там же.

¹²³ Kléber en Égypte 1798–1800. Т. 4. Р. 849.

мы могли заметить, они после неудачи во фронтальных атаках стали предпочитать им постепенное перетекание из дома в дом, где в скоротечных рукопашных схватках французам не могли помочь отточенные годами умения слаженно маневрировать и вести огонь залпами.

Подводя в «Докладе» промежуточный итог первым четырем дням боев, Клебер фактически признает, что, хотя приход Лагранжа и позволил временно стабилизировать ситуацию, перспективы ее дальнейшего развития не сулили французам ничего хорошего:

«Позиции вокруг штаб-квартиры вскоре стали непреодолимыми: артиллеристы и саперы соревновались между собой в организации этой доблестной защиты, приведшей врага в замешательство. Цитадель и форт Дюпюи продолжали бомбардировки города, начатые еще в первые часы восстания. Однако нам пришлось оставлять один за другим дома, которые мы занимали у площади. Инсургенты продвинулись также и на нашем левом фланге в глубь Коптского квартала. Они заняли наиболее удобные позиции для того, чтобы перехватывать все наши коммуникации и поддерживать свои с внешним миром»¹²⁴.

Даже после прибытия Лагранжа французы по-прежнему находились в осаде.

Перемена ролей

Утром **24 марта** повстанцы возобновили наступательные действия при поддержке артиллерии. «Мы не слишком удивились, – пишет Муаре, – увидев, что на третий день¹²⁵ они вернулись с пушками. Это были те орудия, которые мы захватили и беспечно бросили в Матарие, даже не заклепав¹²⁶. Подобная недалёковидность могла оказаться для нас губительной...»¹²⁷ Мишо также констатирует, что утром этого дня восставшие открыли огонь по главной штаб-квартире из пушек, доставленных ранее из Матарии и установленных теперь на другой стороне площади:

«На этот не слишком интенсивный обстрел мы ответили огнем батареи из трех пушек: одна была установлена на минарете возле главной штаб-квартиры, другая у ворот квартала, третья – на оружейной площадке возле входа во двор»¹²⁸.

¹²⁴Rapport. P. 749.

¹²⁵Третий день после прибытия отряда Лагранжа.

¹²⁶Муаре ошибается: согласно другим свидетельствам, в частности ал-Джабарти, эти орудия были заклепаны французами, но отремонтированы повстанцами.

¹²⁷Moiret J.-M. Op. cit. P. 147.

¹²⁸[Michaux A.-E.]. Op. cit. P. 84.

Вскоре после начала перестрелки французы, осажденные в главной штаб-квартире, получили неожиданное подкрепление.

Клебер, преследуя армию великого визиря, разбил ее арьергард у Бельбейса 21 марта и на другой день отправил в Каир под командованием генерала Л. Фриана два батальона 9-й, два 61-й и один 25-й линейных полубригад с несколькими расчетами легкой артиллерии – итого 1600 чел.¹²⁹ Утром 24-го отряд Фриана подошел к Каиру и с ходу вступил в бой. Это прибытие подкреплений, по свидетельству Мишо, позволило остановить продвижение неприятеля и местами даже оттеснить его:

«Дивизионный генерал Фриан прибыл утром с двумя полубригадами¹³⁰. Враг по-прежнему пытался подобраться к нам справа. Чтобы оттеснить его, был предан огню весь квартал от штаба инженерных войск до главной штаб-квартиры. Попытки неприятеля выйти через улицу Мясников тылами на Булакскую дорогу также не увенчались успехом. Его выбили с баррикады в начале этой улицы»¹³¹.

Однако несмотря на удачный исход контратаки Фриана, она, как отмечает Клебер в своем «Докладе», продемонстрировала явную неспособность французов добиться кардинального перелома ситуации имевшимися силами:

«Тем временем прибыл генерал Фриан с пятью батальонами. Он отбросил противника по всем направлениям, но достигнутые им успехи показали, сколь трудно будет проникнуть внутрь города. Куда ни обратиться, на каждой улице и, можно сказать, на каждом шагу встречались баррикады из камней, поднимавшиеся на 12 футов и снабженные двумя рядами бойниц. Жилые помещения и террасы соседних домов были заняты османами, которые защищали их с величайшей отвагой»¹³².

И всё же с прибытием отряда Фриана в положении сторон наметилась определенная тенденция к перемене ролей. Дополнительные войска позволили не только усилить гарнизон главной штаб-квартиры и надежно обеспечить коммуникации между ней и фортами, но и приступить к постепенному установлению контроля над подступами к самому Каиру. Если ранее в осаде находился французский гарнизон двор-

¹²⁹ L'état-major de Kleber en Égypte. P. 74; Rapport. P. 742.

¹³⁰ Неточность: сводный отряд Фриан состоял из 5 батальонов, а в двух полубригадах их было бы 6.

¹³¹ [Michaux A.-E.]. Op. cit. P. 84.

¹³² Rapport. P. 749.

ца Эльфи-бея, то теперь, консолидировав свои прежде разрозненные силы, французы приступили к организации осады города в целом. Подход подкреплений к повстанцам, ранее свободный, был отныне затруднен расположившимися возле города французскими войсками, как показывает эпизод, описанный ал-Джабарты:

«В это время возвратился отряд французских солдат. Они прибыли из своего лагеря на помощь своим соотечественникам в Каире. Это подкрепление усилило французов, находившихся в Каире. Часть прибывших расположилась за Баб ан-Наср, а другая – за Баб ал-Хусаннийя. <...> Тем временем прибыло около пятисот солдат-арнаутов, тех самых, которых везир послал по деревням для сбора налогов и податей. Когда они приблизились к Каиру, им преградили путь французские солдаты, находившиеся на холмах за городом. Арнауты стали защищаться, сумели отбиться от французов и прорвались в Каир»¹³³.

В последующие несколько дней стороны вели изнурительные позиционные бои, где атаки чередовались с контратаками. Мишо в своем отчете излагает по дням хронику этой городской войны.

В ночь на **25 марта** французы укрепляли позиции вокруг главной штаб-квартиры. На небольшую возвышенность под деревьями на площади Эзбекийя была вынесена артиллерийская батарея, связанная со штаб-квартирой ходом сообщения. Французские солдаты продолжали также жечь дома в квартале Мясников и разрушать стены садов, которые могли бы послужить укрытием для неприятеля. У Булакских ворот был возведен редан, чтобы контролировать подходы к ним со стороны квартала Мясников. С наступлением дня турки усилили артиллерийский обстрел и атаковали Коптский квартал, сбив французов с их позиции. Те предприняли контратаку и отбили утраченное. Чтобы предотвратить новое нападение на Коптский квартал, французы подожгли примыкающие к нему дома.

На правом фланге повстанцы готовились предпринять атаку через площадь Эзбекийя и скапливались за стенами цистерны, расположенной перед домом шейха ал-Бакри, но французы рассеяли их стремительной контратакой, убив несколько человек, включая одного мамлюкского бея.

В ночь на **26 марта** французы разрушили стены этой цистерны, чтобы предотвратить новые вылазки со стороны дома ал-Бакри. Правее штаб-квартиры была установлена еще одна артиллерийская батарея,

¹³³ Абд ар-Рахман ал-Джабарты. Указ. соч. С. 259.

призванная контролировать подходы к дворцу Элфи-бея со стороны захваченной повстанцами резиденции Рейнье. Днем наиболее ожесточенные бои разгорелись на правом фланге. Французы, предприняв контратаку, заставили неприятеля отступить в резиденцию Рейнье, но при этом потеряли ранеными двух старших офицеров, имевших звание шефа бригады. Дабы воспрепятствовать новым нападениям с этой стороны, был подожжен квартал Мясников.

В ночь на **27 марта** французские войска продолжили расширять зону своего контроля вокруг главной штаб-квартиры. Они установили еще одну батарею западнее дворца Элфи-бея, на самой окраине города, чтобы держать под огнем сады, примыкающие к кварталу Мясников. На самой же площади Эзбекийя они выбили неприятеля из траншеи, ведущей от дома ал-Бакри к ранее разрушенной цистерне.

С наступлением дня центр боевых действий переместился в квартал Мясников, где дома по несколько раз переходили из рук в руки. Сражение было в самом разгаре, когда на равнине Куббэ показались направляющиеся к городу каре¹³⁴ основных сил Восточной армии с самим Клебером во главе¹³⁵. Битва за Каир вступила в решающую фазу.

Divide et impera

Клебер завершил преследование великого визиря 24 марта в Салихии. Оттуда турки бежали от французов через пустыню в Сирию, но, лишившись при отступлении припасов и палаток, стали в подавляющем своем большинстве жертвами голода, жажды и кочевников-бедуинов. Изгнав армию визиря, Клебер отправился в Каир с 88-й линейной полубригадой, двумя ротами гренадеров из 61-й линейной полубригады, тремя кавалерийскими полками – 7-м гусарским, 3-м и 14-м драгунскими – и легкой артиллерией¹³⁶. В Салихии осталась дивизия генерала Рейнье, чтобы предотвратить возвращение визиря. 21-я легкая полубригада под командованием бригадного генерала О.Д. Бельяра была отправлена в Дельту, чтобы выбить турок из Дамьетты и форта Лесбех¹³⁷.

¹³⁴По свидетельству Догеро, начальника штаба артиллерии, при подходе Каиру армия перестроилась из колонн в каре в ожидании возможных атак неприятеля. – *Doguereau J.P. Journal de l'expédition d'Égypte* / Éd. de C. de La Jonquière. P., 1997. P. 166.

¹³⁵[*Michaux A.-E.*]. Op. cit. P. 84–85.

¹³⁶L'état-major de Kleber en Égypte. P. 74

¹³⁷[*Michaux A.-E.*]. Op. cit. P. 82–83.

27 марта войска Клебера подошли к Каиру и заняли позиции на подступах к нему: от форта Сулковский до форта Камен и далее на юг до квартала Дубильщиков¹³⁸.

Общая численность личного состава прибывших с Клебером частей не превышала 2500 чел.¹³⁹, тем не менее они существенно – примерно в 1,5 раза – усилили группировку французских войск, позволив гораздо более плотно прикрыть подходы к Каиру и блокировать мятежный Булак. «Французские солдаты, – сообщает ал-Джабарти, – окружили Каир и Булак и не давали никому входить и выходить из города. Таково было положение через восемь дней после начала восстания. Французы, окружив оба города плотным кольцом, наподобие браслета, не допускали никакого подвоза продуктов»¹⁴⁰. Тем не менее у Клебера было явно недостаточно сил для того, чтобы взять город штурмом.

Гораздо важнее, на мой взгляд, было появление на театре военных действий самого главнокомандующего: только он обладал необходимыми полномочиями для тех политических шагов, которые при невозможности подавить восстание сугубо военным путем могли иметь решающее значение. Сам Клебер признает в «Докладе», что, ознакомившись по прибытии в главную штаб-квартиру с ситуацией, счел нужным прибегнуть к сочетанию политических и военных методов, убедившись в недостаточности одних лишь последних:

«У нас было слишком мало боеприпасов, особенно бомб и артиллерийских гранат¹⁴¹. Считая слишком опасной любую частную операцию, я решил дожидаться возвращения нашего снаряжения, войск генерала Бельяра, которые должны были подняться [по Нилу] в Каир сразу же после занятия Дамьетты, и вызванной мною [сюда же] дивизии Рейнье. Пока же я ждал объединения наших сил, я приказал совершенствовать наши укрепления, оборудовать новые батареи и готовить зажигательные материалы. Эту паузу, необходимую для успеха наших военных операций, я использовал, чтобы посеять раскол в рядах по-

¹³⁸ Ibid. P. 85.

¹³⁹ Подробнее о численности воинских частей в составе Восточной армии см.: Чудинов А.В. Указ. соч. С. 134–140.

¹⁴⁰ Абд ар-Рахман ал-Джабарти. Указ. соч. С. 260.

¹⁴¹ Ср.: «Мы вынуждены были отвечать на огонь этих бандитов и использовали почти все боеприпасы. У нас осталось очень мало ядер и стало не хватать гранат для гаубиц. Пришлось прекратить огонь в ожидании прибытия артиллерийского парка, который должен был подняться по Нилу, как только генерал Бельяр возьмет Дамьетту». – Journal du capitaine François. P. 371.

встанцев путем корреспонденции и переговоров и чтобы напугать их, сообщив всем о поражении великого визиря»¹⁴².

Последний момент следует отметить особо. Боевой дух повстанцев, по свидетельству ал-Джабарты, во многом поддерживался ожиданием скорого прихода к ним на помощь армии великого визиря. Насуф-паша и другие военные руководители восстания на протяжении всей первой его недели тщательно скрывали от жителей Каира правду о результатах сражения при Гелиополисе:

«Когда паша и эмиры, осажденные в Каире, узнали об этих событиях, они скрыли это известие от жителей, стремясь поддержать их решимость в борьбе, и распространили слухи, противоположные полученным сведениям. Паша продолжал делать вид, будто он отправляет гонцов с письмами, в которых требует подкрепления и помощи. Время от времени паша и эмиры сочиняли ответы, якобы полученные на эти письма. Распространяясь среди жителей, эти ответы успокаивали доверчивых людей. Паша и эмиры постоянно твердили жителям, что господин великий везир прилагает все силы в войне с французами и что через день или два после того, как он отрежет противника от города, он двинется с солдатами в Каир. А когда он придет, наступит окончательная победа»¹⁴³.

Между тем высокий боевой дух являлся, пожалуй, главным ресурсом повстанцев в условиях подавляющего превосходства противника в выучке и военном снаряжении. Их артиллерия, несмотря на все усилия горожан по ее пополнению, не могла соперничать с французской ни в количественном, ни в качественном отношении. Когда по окончании восстания она в соответствии с условиями капитуляции будет сдана французам, то Мишо насчитает в ее составе лишь 30 пушек калибром от 2 до 4 фунтов и одну гаубицу, отлитую жителями Каира уже во время осады¹⁴⁴. Для сравнения замечу, что по данным на ноябрь 1799 г. в одной только Цитадели французы имели 40 орудий калибром от 4 до 14 фунтов¹⁴⁵.

Надежда на скорый приход помощи извне позволяла также до определенной степени сглаживать внутренние противоречия в весьма неоднородных рядах защитников Каира. Ал-Джабарти, наблюдавший си-

¹⁴² Rapport. P. 750.

¹⁴³ Абд ар-Рахман ал-Джабарти. Указ. соч. С. 259.

¹⁴⁴ [Michaux A.-E.]. Op. cit. P. 97.

¹⁴⁵ Situation du personnel et du materiel de la direction d'artillerie du Kaire au 30 brumaire an 8 – SHD/DAT. B⁶ 189.

туацию изнутри, сообщает о нескольких видах таких противоречий. Прежде всего – между горожанами и турецкими военными. Ранее уже отмечалось, что еще до начала восстания появившиеся в городе турецкие солдаты прибегали к откровенному произволу по отношению к местным жителям. С блокированием же французами подступов к Каиру и возникновением в городе дефицита продовольствия подобное поведение турок стало носить и вовсе вызывающий характер:

«В городе начала ощущаться нехватка продовольствия и поднялись цены на товары. Стали исчезать с рынков продукты питания: зерно и хлеб. Исчезли разносчики хлеба на лотках. Находившиеся в городе солдаты отнимали у жителей пищу и питье»¹⁴⁶.

Если в критике турок ал-Джабарти еще достаточно сдержан (хроника писалась уже после восстановления ими власти над Египтом), то о противоречиях между городской верхушкой, к которой принадлежали влиятельные шейхи мечети аль-Азхар, включая его самого, и «низами» он пишет много и охотно, не скрывая своей антипатии к последним. Во время восстания, как это часто случается в периоды разлада устоявшегося общественного порядка, маргинальные элементы, среди которых было немало пришлых, приобрели в городе большое влияние благодаря своей мобильности и постоянной готовности прибегнуть к насилию. Более того, сплотившись вокруг самозванных лидеров, они присвоили себе часть функций власти. Под предлогом борьбы с «при-spешниками неверных» маргиналы по своему произволу лишали имущества и жизни тех, кого сами же и обвиняли в подобном преступлении. Особое негодование ал-Джабарти вызывал один из неформальных лидеров «черни» – некий магрибинец:

«Прибыл также один магрибинец, о котором говорили, что это был тот самый, который прежде сражался с французами в провинции ал-Бухайра. Вокруг него сплотилась группа местных магрибинцев и группа хиджазцев из числа прибывших до этого <...>. Этот магрибинец совершал дела, заслуживающие порицания, так как большая часть грабежа и убийств невинных людей в основном была делом его рук. Он следил за домами, в которых находились французы и христиане, и нападал на них. С ним действовал отряд, состоящий из черни и солдат. Они убивали всех, кто попадался им под руку, грабили дома, хватали женщин и отнимали у них украшения и одежду»¹⁴⁷.

¹⁴⁶ Абд ар-Рахман ал-Джабарти. Указ. соч. С. 261.

¹⁴⁷ Там же. С. 256.

Ал-Джабарти в своей хронике еще неоднократно упоминает об аналогичных деяниях «магрибинца» и ему подобных, причем каждый раз с резким осуждением, демонстрируя то крайнее отвращение, которое у именитых людей города вызывал разгул «черни».

На всех этих противоречиях и решил сыграть Клебер, чтобы ослабить сплоченность рядов противника.

28 и 29 марта французы продолжали обустривать свои позиции в районе главной штаб-квартиры и постепенно стягивали кольцо блокады вокруг Булака. Вместе с тем, судя по отчету Мишо, интенсивность боевых действий в эти дни существенно ослабла¹⁴⁸. Основные события разворачивались на дипломатическом фронте. 28 марта находившийся в плену у французов Мустафа-паша написал Осману Катходе письмо, сообщив о предложении французского главнокомандующего всем туркам, а если захотят мамлюки, то и мамлюкам, покинуть на другой день город и отправиться в Сирию к великому визирю. Всем уходящим Клебер обещал свободный пропуск, необходимые для путешествия припасы на 60 верблюдах и военный эскорт до границы. Осман Катхода отклонил это предложение, сославшись на то, что при существующем огромном численном превосходстве турок, мамлюков и арабов над французами подобная договоренность не будет понята и принята его же собственными войсками. В свою очередь он предложил Клеберу заключить перемирие при условии, что французы оставят главную штаб-квартиру на площади Эзбекийя и уйдут в Гизу¹⁴⁹. Однако уже 29 марта Осман Катхода изменил свою позицию на диаметрально противоположную. Едва ли его переубедил краткий ответ Клебера: французский главнокомандующий лишь вновь обещал туркам, если решат уйти, дать эскорт до Салихии, после чего начать с великим визирем переговоры о мире. В случае отказа он пригрозил возобновить военные действия. Вряд ли на перемену мнения турецкими военачальниками повлияла и военная обстановка, поскольку на фронте, о чем уже было сказано, за эти сутки активных действий не велось. Возможно, решающую роль здесь сыграли те самые внутренние противоречия в лагере восставших, на которых и пытался сыграть Клебер. Одновременно с Османом Катхой генерал, как сообщается в «Докладе», связался с шейхами и с другими наиболее влиятельным в городе людьми, очевидно, пытаясь склонить их к миру. «Мамлюки, народ Каира и османы

¹⁴⁸[Michaux A.-E.]. Op. cit. P. 85.

¹⁴⁹Kléber en Égypte 1798–1800. T. 4. P. 779–782.

имели слишком разные интересы, чтобы долго сохранять единство», – поясняет Клебер¹⁵⁰. Как бы то ни было, Осман Катхода в письме от 29 марта снял прежнее требование к французам оставить главную штаб-квартиру и попросил прислать парламентаря, уполномоченного обговорить условия турецкой капитуляции¹⁵¹.

30 марта стороны через переписку согласовывали кандидатуру такого парламентаря. Приближенные Насуф-паши наотрез отказались идти к французам, заявив, что не доверяют тем, кто уже однажды нарушил международное право. Очевидно, имелся в виду разрыв Эль-Аришского соглашения. В результате, обоюдный выбор пал на турецкого чиновника Хассана Ага Незлимини. Ранее назначенный визирем на должность генерального директора почт в Египте, он после начала военных действий находился в плену у французов вместе с Мустафаш-пашой.

Утром **31 марта** на площади Эзбекийя возле особняка ал-Бакри был поднят флаг, сигнализовавший о прекращении огня и начале переговоров. Хассан Ага отправился туда с предложенными Клебером условиями капитуляции¹⁵². Сохранились записки, в которых он сообщал о ходе переговоров Мустафа-паше, находившемся все это время при французском главнокомандующем в главной штаб-квартире. Несмотря на взаимную заинтересованность сторон в соглашении, дело шло не слишком скоро. Насуф-паша и Осман Катхода поддерживали идею Клебера о встрече с ним влиятельных каирских шейхов ал-Махди, ал-Шаркави, ал-Файюми и Моххамеда ал-Эмира. Эти почитаемые в городе люди пользовались уважением французов и до восстания входили в диван. Предполагалось, что Клебер лично обещает им, что при капитуляции ни уходящим, ни остающимся не будет причинено никакого вреда¹⁵³. Однако шейхи жили в разных кварталах, и чтобы собрать их, потребовалось время. Еще больше его ушло на то, чтобы их уговорить: после всего происшедшего в Каире шейхи боялись идти к Клеберу. В результате Насуф-паша, Осман Катхода и Ибрагим-бей сами написали французскому главнокомандующему о том, что согласны на его условия почетной капитуляции и готовы эвакуировать свои войска из города¹⁵⁴. Впрочем, визит шейхов к французскому глав-

¹⁵⁰ Rapport. P. 750.

¹⁵¹ Kléber en Égypte 1798–1800. T. 4. P. 784–785.

¹⁵² Ibid. P. 786–787.

¹⁵³ Ibid. P. 789–790.

¹⁵⁴ Ibid. P. 790.

нокомандующему, по свидетельству ал-Джабарти, все же состоялся¹⁵⁵, и, очевидно, в тот же самый день, поскольку заключенное между Клебером и Насуф-пашой соглашение об условиях капитуляции турок датировано именно 31 марта.

Документ этот сам по себе весьма примечателен и полностью подтверждает ранее приводившееся мнение Клебера о несходстве интересов разных групп повстанцев. В пяти пунктах соглашения подробно оговариваются обязанности турок и французов по отношению друг к другу: 1 апреля французский офицер должен прийти с белым знаменем к дому ал-Бакри и вместе с турецким представителем осуществить передачу французам всех турецких позиций вокруг площади Эзбеккия; османские войска покидают Каир до полудня 2 апреля и на пятый день после этого выходят к границе с Египтом в Катии; французы предоставляют 50 верблюдов с провиантом на время перехода и обязуются ухаживать за остающимися турецкими ранеными как за своими; сразу же после подписания документа устанавливается перемирие¹⁵⁶. Но в документе нет ни слова о дальнейшей судьбе египтян, сражавшихся бок о бок с турками на протяжении предыдущих дней, – никаких гарантий их дальнейшей безопасности.

Между тем местные жители прекрасно помнили о тех жестоких репрессиях, которые обрушились на них после Первого каирского восстания, и опасались их повторения. Это сразу же подметил Хассан Ага, едва только прибыл для переговоров на территорию, контролируемую повстанцами. Он сообщил Мустафа-паше: «Убежден, что если обеспечить горожанам ощущение безопасности, то они позволят турецким войскам уйти; но я также вижу, что если у них не будет полнейшей уверенности в отсутствии поводов для беспокойства, они воспрепятствуют их уходу»¹⁵⁷. Соглашение в той форме, в которой оно было заключено, едва ли могло развеять подобные сомнения.

В ночь на **1 апреля** горожане взбунтовались против своих предводителей. Утром Хассан Ага рассказал о происшедшем в письме Мустафа-паше:

«На протяжении этой ночи город пребывал в состоянии ужасного беспорядка. Мы вышли из дома и, для того чтобы достичь жилища Кьяйя-бея [Османа Катходы] и Сераскера [Насуф-паши], подвергли се-

¹⁵⁵ Абд ар-Рахман ал-Джабарти. Указ. соч. С. 267–268.

¹⁵⁶ Kléber en Égypte 1798–1800. T. 4. P. 792–793.

¹⁵⁷ Ibid. P. 790.

бя тысяче опасностей. Сегодня мне невозможно прибыть к Вашей светлости. Здесь множество вооруженных людей; народ ни чуточки не верит обещаниям амнистии. Они бросались на Кьяйя-бея и Насуф-пашу и едва не разорвали их на части за желание покинуть город. Все жители и даже женщины кричали: “Зачем бездействовать? Как можно доверять этим людям?!” Обо мне тоже злословили. Да спасет меня Аллах!»¹⁵⁸

В мгновение ока были низвергнуты все прежние авторитеты. По свидетельству ал-Джабарты, досталось и шейхам, а на первый план вышли вожаки толпы:

«Когда шейхи вернулись и передали эти слова янычарам и жителям, те накинулись на них, ругали и поносили их, а шейхов аш-Шаркави и ас-Сирси избили, сорвали с них чалму и обругали их. Они говорили: “Эти шейхи отступили от веры и действуют заодно с французами, а цель их – добиться поражения мусульман. Они получили от французов деньги”. Подобный несуразный вздор исходил от черни и всякого сброда. Особенно в этом деле усердствовал окруженный толпой магрибинец. Он кричал от своего имени: “Мир расторгнут! Вы должны вести священную войну, а кто отступится – тому отрубят голову!”»¹⁵⁹

Сложилась патовая ситуация: несмотря на желание командующих обеих сторон прекратить военные действия, подписанное соглашение о капитуляции осталось всего лишь клочком бумаги. В тот же день Насуф-паша сообщил Мустафа-паше:

«Совершенно верно то, что вы сказали: с подписанием договора надо исполнять его положения, – но с нашей стороны это совершенно невозможно. После происшедшего этой ночью брожение, охватившее город, достигло столь крайней степени, что я не в силах сие описать. Все войска пришли, чтобы напасть на меня. Не сумев погибнуть на поле боя, я не хотел встретить мученическую смерть у себя дома. Солдаты говорили только о том, чтобы разорвать на клочки своих предводителей. С утра все обитатели Каира, включая женщин и детей, заполнили улицы, крича, что не позволят никому уйти»¹⁶⁰.

Оставалось только, как написал Хассан Ага Мустафа-паше, надеяться на то, что при сохранении перемирия страсти за пару дней улягутся и можно будет приступить к реализации соглашения¹⁶¹. Однако надежда эта быстро испарилась, поскольку утром 1 апреля турецкие солдаты,

¹⁵⁸ Ibid. P. 794.

¹⁵⁹ Абд ар-Рахман ал-Джабарты. Указ. соч. С. 268.

¹⁶⁰ Kléber en Égypte 1798–1800. T. 4. P. 796.

¹⁶¹ Ibid. P. 795.

очевидно по собственной инициативе и без санкции командования, открыли интенсивный артиллерийский и ружейный огонь по французским позициям, о чем генерал Фриан не замедлил сообщить Клеберу¹⁶².

Хотя попытка французского главнокомандующего восстановить контроль над Каиром дипломатическим путем и не увенчалась успехом, она оказалась далеко не безрезультатной. История с несостоявшейся капитуляцией показала, что турецкие военачальники отнюдь не собираются класть свои жизни за египетскую столицу, а готовы при случае сдать ее на приемлемых для себя условиях. Таким образом, своим демаршем Клебер сумел внести раскол в прежде сплоченные ряды повстанцев и посеять у них недоверие к предводителям. И это стало серьезным достижением: при явной недостаточности имевшихся у французов сил для подавления восстания сугубо военным путем методы психологического воздействия на неприятеля приобретали решающее значение.

Кнут и пряник

Пауза в военных действиях была использована французами для подготовки к новым боям. Прибытие с Клебером дополнительных сил давало возможность попытаться перехватить инициативу. Если до того, как отмечается в отчете Мишо, все усилия французов были направлены скорее на удержание главной штаб-квартиры и Коптского квартала, нежели на расширение контролируемой ими территории, то теперь появились ресурсы и для наступательных действий. «Необходимо было, — пишет Мишо, — убедить врага, что не страх и не наша слабость удерживали нас от действий против него»¹⁶³. Иначе говоря, для предстоящих операций во многом определяющее значение имел именно психологический фактор.

Пока велись переговоры о турецкой капитуляции, французы доставили из Александрии боеприпасы для артиллерии, в которых до того времени испытывали серьезный дефицит. Это позволило начать регулярные бомбардировки жилых кварталов города:

«Из Цитадели, из форта Дюпюи, из фортов Сулковский и Института, из главной штаб-квартиры и с холмов возле квартала Дубильщиков по городу велся огонь настолько интенсивный, насколько позволяли наши ограниченные возможности»¹⁶⁴.

¹⁶²Ibid. P. 793.

¹⁶³[Michaux A.-E.]. Op. cit. P. 87.

¹⁶⁴Ibid.

Не имея большого военного значения, подобная непрерывная бомбардировка носила изматывающий характер и была направлена прежде всего на ослабление у жителей Каира воли к сопротивлению.

Кроме того, воспользовавшись временным затишьем, французы установили на дистанции прямого выстрела от занятого турками штаба инженерных войск тяжелое 8-фунтовое орудие и, как только перемирие было нарушено, открыли из него огонь, пробив к следующему дню брешь в стене особняка. **2 апреля** отряд карабинеров выбил турок из этого стратегически важного здания, но под интенсивным ружейно-артиллерийским обстрелом из соседних домов вынужден был поджечь его и отступить. В тот же день было отбито у неприятеля, а затем сожжено несколько домов Коптского квартала.

Очевидно, тогда же, 2 апреля, на помощь к осаждающим Каир войскам подошла из Салихии дивизия генерала Рейнье в составе 9-й линейной и 22-й легкой полубригад общей численностью чуть более 1800 чел.¹⁶⁵ Хотя Мишо и фиксирует ее прибытие к Каиру лишь два дня спустя, Рейнье уже 2 апреля получил от Клебера приказ осуществить диверсию в районе ворот Баб эн-Наср¹⁶⁶, что подтверждает его появление под Каиром именно к этому сроку. Войска Рейнье расположились между фортами Камен и Сулковский, протянув далее линию постов по гребню возвышенности от форта Сулковский до Цитадели¹⁶⁷.

* * *

Прибытие дополнительных сил дало возможность Клеберу заняться проблемой Мурад-бея. Выше уже отмечалось, что этот наиболее влиятельный, наряду с Ибрагим-беем, мамлюкский лидер, неумоимо ведший на протяжении полутора лет в Верхнем Египте борьбу против французов, после заключения Эль-Аришского соглашения и прибытия великого визиря занял особую, достаточно независимую позицию. Условившись с Клебером о нейтралитете в канун возобновления военных действий, Мурад-бей в дальнейшем строго следовал этой договоренности. Хотя во время битвы при Гелиополисе он находился со своим отрядом возле поля боя, наблюдая за происходившим, в сражение он так и не вступил. Не прибыл он в Каир, в отличие от других мамлюкских беев, и с началом восстания. Вместе со своими людьми он рас-

¹⁶⁵ См.: Чудинов А.В. Указ. соч. С. 135.

¹⁶⁶ Kléber en Égypte 1798–1800. Т. 4. Р. 798–799.

¹⁶⁷ [Michaux A.-E.]. Op. cit. Р. 87.

положился в нескольких километрах от Старого Каира в местечке Дайр ат-Тин, по-прежнему не примыкая ни к одной из сторон¹⁶⁸. По свидетельству ал-Джабарты, мамлюкские лидеры восстания не раз обращались к нему с просьбой о помощи, но он отвечал им призывами к компромиссу с французами, подрывая тем самым их решимость к сопротивлению:

«Осажденные в городе повстанцы отправили Мурад-бею посланца с просьбой, чтобы он либо сам прибыл на помощь, либо прислал своих беев и солдат. Мурад-бей отказался выполнить эту просьбу, сославшись на то, что он должен защищать район, в котором находится. Тогда к нему вновь направили гонца с просьбой сообщить о положении армии везира. Мурад-бей ответил, что он примерно за десять дней до этого отправил на восток солдата верблюжьей кавалерии, но посланный до сих пор не вернулся, и что французы, победив турок, не будут их убивать и бить. “И вас с ними также, – писал он, – Примите мой совет: просите мира – и уйдете невредимыми”. <...> Ибрахим-бей посоветовал отправить обратно ал-Бардиси¹⁶⁹ в сопровождении Осман-бея ал-Ашкара для того, чтобы последний передал Мурад-бею то, что нужно. Когда ал-Ашкар, повидавшись с Мурад-беем, возвратился в Каир, он относился к создававшемуся положению уже не так, как до отъезда. Решимость его ослабла, и он склонялся к тому мнению, которого придерживался Мурад-бей»¹⁷⁰.

Вместе с тем неопределенность позиции влиятельного мамлюкского вождя не могла не беспокоить Клебера. Их не связывали никакие обязательства, кроме прежней устной договоренности, достигнутой накануне возобновления военных действий через жену Мурад-бея. Пребывание же в тылу французской армии вооруженного отряда в несколько тысяч человек могло оказаться опасным, если бы его предводитель надумал выступить на стороне противника. В «Докладе» Клебер сообщает, что решил возобновить контакты с Мурад-беем сразу после вынужденного отказа лидеров восстания от уже подписанной капитуляции¹⁷¹. По свидетельству Догеро, вскоре после прибытия французского главнокомандующего к Каиру в его лагере появился посланник Мурад-бея – кашиф Хуссейн, персонаж сам по себе интересный. Этот человек служил Мурад-бею еще до прихода французов, но с их появ-

¹⁶⁸ Абд ар-Рахман ал-Джабарты. Указ. соч. С. 258–259.

¹⁶⁹ Мажордом Мурад-бея.

¹⁷⁰ Абд ар-Рахман ал-Джабарты. Указ. соч. С. 264–265.

¹⁷¹ Rapport. P. 750.

лением поступил к ним на службу и командовал ротой мамлюков в составе Восточной армии. С заключением Эль-Аришского соглашения кашиф Хуссейн вернулся к прежнему хозяину. И вот теперь именно его Мурад-бей и прислал к Клеберу. После разговора с французским главнокомандующим Хуссейн отправился обратно к своему патрону¹⁷².

Ожидание ответа затянулось на два дня. Клебер начал готовить меры на тот случай, если договориться не удастся. 2 апреля он написал Рейнье:

«Я прикажу завтра атаковать Мурад-бея; его отряд насчитывает больше тысячи человек, не считая двух тысяч крестьян, собравшихся на правом берегу и ожидающих только сигнала, чтобы вступить, или артиллерийского залпа, чтобы разбежаться»¹⁷³.

Впрочем, к крайним средствам прибегать не пришлось: в тот же день, 2 апреля, к Клеберу приехали посланцы Мурад-бея с мирными предложениями – все тот же кашиф Хуссейн и бей ал-Бардиси, мажордом Мурад-бея. «Конференции, в которых участвовали переговорщики с той и другой стороны, – сообщает Клебер в «Докладе», – проходили в моей штаб-квартире и часто прерывались артиллерийским огнем из города»¹⁷⁴. Тем не менее дело спорилось, и уже 5 апреля стороны подписали договор, по которому Французская республика признала Мурад-бея правящим Принцем (*Prince gouverneur*) Верхнего Египта. Взамен он обязался платить французам ежегодную подать (мири) и предоставлять вспомогательные войска¹⁷⁵. Некогда опасный противник был превращен в сильного и полезного союзника.

* * *

Между тем после прекращения перемирия военные действия в городе развернулись с новой силой. **3 апреля**, как сообщает Мишо, на правом фланге от главной штаб-квартиры продолжались позиционные бои вокруг бывшей резиденции Рейнье. Основной удар восставшие нанесли слева, атаковав по большой улице, шедшей севернее Коптского квартала к Железным воротам. В ходе этого наступления повстанцы, так же как французы, использовали массовые поджоги домов, чтобы изгнать оттуда неприятеля. В ночь на **4 апреля** французские войска

¹⁷² См.: *Doguerneau J.P.* Op. cit. P. 170.

¹⁷³ *Kléber en Égypte 1798–1800*. Т. 4. P. 798–799.

¹⁷⁴ *Rapport*. P. 750–751.

¹⁷⁵ *Kléber en Égypte 1798–1800*. Т. 4. P. 803–806.

встречной атакой по той же улице отбросили повстанцев и укрепились в четырех рядом расположенных мечетях:

«Для этой атаки отрядили генерал-адъютанта Альмераса с ротой карабинеров из 4-й легкой [полубригады], ротой из 75-й [линейной полубригады], 100 чел. из 61-й [линейной полубригады] и 20 саперов. У них было также одно орудие. У первой вражеской баррикады погиб капитан карабинеров, и вся его рота отступила назад; ее вновь повели в бой, и она погнала неприятеля до самой мечети. Все дома справа и слева [по этой улице] до самой мечети были взломаны, и все турки, найденные там с оружием в руках, перерезаны. Враг, защищавший здания перед мечетью, вел интенсивный огонь, но это не помешало нам поджечь дома перед своими позициями и забаррикадировать улицу. Была установлена связь с Коптским кварталом. Мы потеряли в этой атаке 3 чел. убитыми и 12 ранеными. Противник должен был потерять много народа. 14 [жерминаля (4 апреля)] наши войска утратили позиции, занятые предыдущей ночью. Они были напуганы, увидев несколько турок, просочившихся к ним на фланги, и отступили в беспорядке. Позицию восстановить не удалось, и пришлось забаррикадироваться позади первой из мечетей. Мы потеряли несколько человек, которые не успели из нее выскочить»¹⁷⁶.

Сведения доклада Мишо подтверждаются свидетельством Муаре, лично участвовавшим в той операции:

«13-го [жерминаля (3 апреля)] в 11 вечера мы атаковали квартал, расположенный позади Коптского квартала. Огонь врага был ужасным и смертоносным; нашей колонне пришлось отступить, но вскоре после этого она с удвоенной храбростью понесла страх и смерть в ряды неприятеля и захватила территорию. Она добилась бы и большего, если бы приказ сверху не остановил ее продвижение. А поскольку победу от поражения часто отделяет лишь один шаг, на другой день наша колонна была атакована превосходящими силами неприятеля и вынуждена была оставить часть завоеванного. Несколько наших солдат погибло, несколько гренадеров оказались в плену и потом были возвращены (что необычно для варварских народов)»¹⁷⁷.

Генерал Дама в своей части «Доклада» описывает происшедшее в ту ночь примерно так же, допустив лишь одно небольшое, но принципиальное отличие: его рассказ об этом тяжелом, длившемся восемь часов

¹⁷⁶[Michaux A.-E.]. Op. cit. P. 87.

¹⁷⁷Moiret J.-M. Op. cit. P. 148.

бое заканчивается констатацией того, что французы успешно выбили турок с их позиций и отразили все контратаки неприятеля¹⁷⁸. О последовавшем же за этим успешном контрнаступлении повстанцев Дама, в отличие от Мишо и Муаре, ни словом не упоминает, что еще раз свидетельствует о необходимости весьма осторожно относиться к сведениям официальной версии событий, предназначавшейся для публикации.

В последующие несколько дней, с 5 по 11 апреля, стороны, как сообщает Мишо, вели позиционные бои местного значения: «Все действия неприятеля были направлены на то, чтобы поджечь дома, занимаемые нашими войсками, и тем самым оттуда их выгнать. Мы постоянно отражали эти удары, тушили пожары и препятствовали продвижению турок»¹⁷⁹. Однако и в этих мелких стычках, не дававших французам никаких существенных преимуществ, тем приходилось нести потери. Капитан полка дромадеров Франсуа записал в своем дневнике 10 апреля:

«Небольшая перестрелка в разных местах города. В Булаке, где я находился в пешем строю, огонь был весьма интенсивным, но мы потеряли только 5 человек убитыми и 14 ранеными. Захвачено несколько позиций»¹⁸⁰.

Впрочем, основные события в тот период разворачивались за пределами Каира. В описании их сведения «Доклада» и отчета Мишо полностью совпадают. В обоих документах подчеркивается, что альянс с Мурад-беем очень быстро принес прямую выгоду. Новоиспеченный принц Верхнего Египта взялся помогать своему новому сюзерену не за страх, а за совесть. Он выдал французам всех турок, искавших убежища у него в лагере, и передал французским войскам то продовольствие, что было ранее собрано по распоряжению великого визиря¹⁸¹. Через своих приближенных Мурад-бей пытался также повлиять на мамлюкских вождей в Каире, склоняя их к капитуляции. Свидетельствует ал-Джабарти:

«В это время то и дело являлись посланцы от французов (это были то Осман-бей ал-Бардисси, то Мустафа Кашиф Рустам – оба из числа приближенных Мурад-бея). Они вели переговоры о мире и об уходе турецких войск из Каира. Они говорили, что город будет сожжен и раз-

¹⁷⁸ Rapport. P. 754–755.

¹⁷⁹ [Michaux A.-E.]. Op. cit. P. 89.

¹⁸⁰ Journal du capitaine François. P. 373.

¹⁸¹ Ibid. P. 88; Rapport. P. 753.

рушен, если их миссия не увенчается успехом. Они упорно пытались добиться своего»¹⁸².

Однако, пишет Клебер о Мурад-бее, поскольку «его влияние в Каире не дало того эффекта, на который он рассчитывал, он предложил мне поджечь город и некоторое время спустя прислал барки, груженные тростником»¹⁸³. Позднее капитан дромадеров Франсуа отметит в своем дневнике: «Факелы, которые несли мы, дромадеры, и другие [солдаты] и которые использовались для освещения улиц и поджога домов, нам, как мы узнали, прислал наш друг Мурад-бей»¹⁸⁴.

Также именно Мурад-бей лишил восставших последней надежды на помощь извне, помешав подходу корпуса Дервиш-паши. Последнего великий визирь еще возобновления военных действий отправил в Верхний Египет исполнять обязанности наместника. С началом восстания Дервиш-паша набрал из местных крестьян и кочевников десяти тысячное войско, двинулся на помощь повстанцам и находился лишь в нескольких дневных переходах от Каира. «Я потребовал от Мурад-бея, — сообщает Клебер, — чтобы он выступил против него [Дервиш-паши]. Но принц меня опередил и сообщил, что уже отдал необходимые приказы, вследствие которых пашу покинули две трети его людей. “Что касается остального, — сказал он [Мурад-бей], — то дайте мне только знать, хотите ли вы его голову или только того, чтобы он покинул Египет”. Дервиш-паша немедленно отправился в Сирию»¹⁸⁵.

В отношении же самого Каира Клебер продолжал политику кнута и пряника. Те, кто сохранил лояльность французам, получали поощрение. Так, 7 апреля Клебер издал приказ о компенсации жителям Коптского квартала, потерявшим жилища в ходе боев. Согласно тому же приказу, Муалем Якуб получил титул «Ага коптской нации». Для его охраны и поддержания его власти выделялись 30 французских солдат¹⁸⁶.

Уделом же непокорных горожан были непрерывные артиллерийские бомбардировки и блокада, которая стала причиной все более обострявшегося дефицита продовольствия. Вот как ал-Джабарты описывает усугублявшуюся день ото дня ситуацию в Каире:

«Горести и невзгоды усилились. Из фортов на дома и жилища падали бомбы. Разрушения и пожары продолжались. В домах женщины

¹⁸² Абд ар-Рахман ал-Джабарты. Указ. соч. С. 266–267.

¹⁸³ Rapport. P. 753. См. также: [Michaux A.-E.]. Op. cit. P. 88.

¹⁸⁴ Journal du capitaine François. P. 377.

¹⁸⁵ Rapport. P. 753. См. также: [Michaux A.-E.]. Op. cit. P. 89.

¹⁸⁶ Kléber en Égypte 1798–1800. T. 4. P. 807–808.

и дети кричали от страха и тревоги. Жители терпели голод, потому что не хватало пищи и питья, лавки, мельницы и пекарни бездействовали, торговля замерла, к тому же население разорилось и не имело средств на расходы даже в тех случаях, когда что-либо можно было купить.

Огонь из пушек и ружей продолжался непрерывно, так что ни днем ни ночью людям не было ни сна ни покоя. Они не имели времени, чтобы хоть на мгновение присесть, постоянно находясь в переулках и на улицах, и замерли в тревожном ожидании. Что же касается женщин и детей, то они отсиживались в подвалах зданий, складов, под сводами и тому подобным»¹⁸⁷.

С этим свидетельством перекликаются показания ат-Турка:

«Французы начали ночные бомбардировки города со всех четырех сторон, что вызывало многочисленные пожары, в то время как форты продолжали бросать бомбы. Кому доведется вспомнить ужас этих дней? Чтобы защититься от бомбардировки, женщины и дети в страхе бежали укрываться под каменными сводами. Бомбы весом в 32 ока¹⁸⁸ разрушали дома, в которые попадали. Каждую ночь слышался крик женщин и детей. Пожары вспыхивали во всех частях города»¹⁸⁹.

Всё это должно было подорвать боевой дух повстанцев и ослабить их волю к сопротивлению перед тем, как французские войска соберутся начать генеральное наступление.

Проба сил

После недели относительного затишья, в ходе которого французская армия подготовила все необходимые внешние и внутренние условия для начала активных наступательных действий, она в ночь с **11 на 12 апреля** нанесла неожиданный удар по неприятелю южнее генеральной штаб-квартиры. Вот как эта операция описывается в отчете Мишо:

«21-го [жерминаля (11 апреля)] генерал приказал выбить турок из здания штаба инженерных войск, откуда они еще не были изгнаны. Эта атака была поручена дромадерам, поддержанным ротой гренадеров из 25-й и отрядом из 88-й [линейных полубригад]. Через брешь, пробитую 12-го [жерминаля (2 апреля)], они проникли внутрь здания, быстро распространились по всем помещениям, обращая турок в бегство, и затем всю ночь возводили в окнах и дверях необходимые баррикады, чтобы

¹⁸⁷ Абд ар-Рахман ал-Джабарти. Указ. соч. С. 265–266.

¹⁸⁸ Ока – мера веса в Турции и Египте, равная примерно 1,2 кг.

¹⁸⁹ Turc N. Op. cit. P. 107.

обезопасить свою позицию. Неприятель досаждал им, как мог, с террас и верхних этажей бывшей резиденции Рейнье и со своей батареей в саду шейха ал-Бакри. Наши убили у него несколько человек возле бойниц дома Рейнье и на террасах, что заставило остальных укрыться позади этого дома»¹⁹⁰.

Капитан Франсуа рассказывает об этой же атаке с точки зрения участника:

«Около пяти часов вечера главнокомандующий отправил нас, драматеров, с гренадерской ротой из 25-й линейной [полубригады] атаковать здание штаба инженерных войск, расположенное справа [от главной штаб-квартиры] на площади Эзбекийя, где укрепились множество турок. Мы в количестве около 200 человек проникли внутрь сквозь брешь, пробитую артиллерийским огнем, и убили много врагов из ружей и пистолетов. Неприятель бежал, оставив от 600 до 700 человек убитыми и ранеными, а мы заняли этот дом. У нас оказалось 7 человек убитыми и 14 ранеными. Ночью мы работали над тем, чтобы обеспечить себе безопасность и удержать позицию. Недостаток боеприпасов не позволил развить успех дня. Враги, догадавшись об этом обстоятельстве, надеялись, что нам придется отступить. Жители и солдаты нас оскорбляли, пели, танцевали, их веселье достигло предела. Имамы с высоты минаретов поддерживали боевой дух, обращая молитвы к своему пророку. Эмиссары великого визиря заверяли народ в скором прибытии помощи. Исполненные ярости от того, что нас оскорбляют, а мы не можем отомстить, мы провели на этой позиции без еды и питья тридцать два часа»¹⁹¹.

Заметим, что соотношение потерь сторон выглядит у Франсуа крайне преувеличенным. В приказе, которым Клебер выразил благодарность принимавшим участие в операции, говорится, что неприятель в этом деле потерял 20 человек убитыми и примерно столько же ранеными¹⁹².

Согласно отчету Мишо, днем 12 апреля активных действий французы не вели, однако в ночь на **13 апреля** нанесли столь же неожиданный удар в на другом фланге. По приказу генерала Рейнье, через час после захода солнца бригадный генерал А.Ж. Робен с двумя ротами гренадеров 9-й линейной полубригады и двумя ротами карабинеров 22-й легкой полубригады атаковал святилище (santon) Абу-Риш, рас-

¹⁹⁰[Michaux A.-E.]. Op. cit. P. 89.

¹⁹¹Journal du capitaine François. P. 374.

¹⁹²Kléber en Égypte 1798–1800. T. 4. P. 820.

положенное на высотах западнее форта Сулковский. Укрепившиеся там турки серьезно осложняли коммуникации этого форта и лагеря Рейнье с главной штаб-квартирой. Судя по описанию Мишо, противник оказался застигнут врасплох и не успел оказать реального сопротивления:

«Пятьдесят гренадеров взяли приступом святилище и отбросили врага в город, а затем проделали бойницы в стене, обращенной к городу, и укрепили траншеей вершину холма, на которой оно находилось. Одновременно с этой атакой три другие роты и отряд саперов, вооруженных топорами, захватили несколько отдельно стоявших домов между святилищем и фортом Сулковский и подожгли их. Не тронули только один дом слева от святилища, чтобы он прикрывал его с фланга, и связали эту оборонительную позицию с захваченной поблизости мечетью.

Около полуночи неприятель предпринял контрнаступление, стремительно приблизился к нашей позиции на расстояние в двадцать шагов и заставил наших рабочих покинуть траншею, но был вынужден отступить. Интенсивная перестрелка продолжалась здесь до утра 23-го [жерминаля (13 апреля)]»¹⁹³.

Здесь отчет Мишо вновь несколько отличается от версии «Доклада», представленной Дама. Согласно последнему, обе атаки состоялись одновременно – в ночь с 11 на 12 апреля. Дама представляет их своего рода репетицией общего комбинированного наступления с флангов по сходящимся направлениям внутрь города¹⁹⁴. Однако в упомянутом выше приказе Клебера от 13 апреля с благодарностью войскам за успех, достигнутый в ночь с 11 на 12 апреля, о захвате святилища Абу-Риш не упоминается, что косвенно свидетельствует все же в пользу версии Мишо. Очевидно, в заключительной части «Доклада» Дама старался следовать той же тональности, которую ранее для изложения официальной версии происшедшего избрал Клебер, – убеждать читателей, что на протяжении всей кампании он постоянно держал ситуацию под контролем и планомерно осуществлял избранный план, не оставляя места для случайностей.

Между тем положение Восточной армии, несмотря на ряд тактических успехов, оставалось весьма сложным. Хотя в результате двух ночных атак 11–13 апреля французские войска добились поставленных целей, эти достижения, отмечает Мишо, оказались слишком скромны-

¹⁹³ [Michaux A.-E.]. Op. cit. P. 89.

¹⁹⁴ Rapport. P. 756.

ми по сравнению с тем, какими потерями пришлось заплатить за них¹⁹⁵. К тому же за несколько дней интенсивных боевых действий французская армия, по свидетельству Дама, потратила столько боеприпасов, что вновь ощутила их недостаток¹⁹⁶. И самое главное, французам не удалось сломить боевой дух повстанцев, который руководители обороны поддерживали на высоком уровне самыми разными способами. В частности, они сообщали о якобы присланных великим визирем письмах с обещанием прийти на подмогу. Использовалась, по словам ал-Джабарти, и своего рода наглядная агитация:

«В это время ал-Алфи [Эльфи-бей] пришел к Осману Катходе с предложением, которое у него возникло и которое он считал правильным. Его мысль состояла в том, чтобы на полумесяцах минаретов днем вывесить флаги, а ночью зажечь фонари, чтобы подходящее войско, увидев это, поняло, что город находится в руках мусульман и что они берут верх над противником. Это сделали также и жители Булака, так как они были уверены в том, что им на помощь приближается войско»¹⁹⁷.

Тем самым в народе поддерживалась надежда на скорую помощь извне. А вот как по описанию Дама это выглядело с другой стороны фронта:

«Минареты были освещены, муэдзины (общественные глашатаи, собирающие в определенные часы народ на молитву) славили радостными песнопениями то состояние бессилия, в которое, как они думали, мы впали»¹⁹⁸.

Война нервов продолжалась.

Гибель Булака

Попытки наступательных действий 11–13 апреля показали командованию французской армии, что на постепенное, шаг за шагом, сжимание кольца осады посредством захвата отдельных стратегически важных пунктов у французов может просто не хватить сил и средств. Поэтому, сообщает Мишо, была начата подготовка к общему штурму города. А чтобы произвести на неприятеля наибольший психологический эффект, было решено начать генеральное наступление с взрыва

¹⁹⁵[Michaux A.-E.]. Op. cit. P. 89–90.

¹⁹⁶Rapport. P. 756.

¹⁹⁷Абд ар-Рахман ал-Джабарти. Указ. соч. С. 271.

¹⁹⁸Rapport. P. 756.

мины под одним из ключевых пунктов обороны повстанцев. В качестве подобной цели выбрали бывшую резиденцию генерала Рейнье, которую всего лишь несколько десятков метров отделяло от здания штаба инженерных войск. В ночь на **14 апреля** саперы заложили в одном из хозяйственных помещений этого здания колодец глубиной 12 футов (около 4 м) и повели из него мину в сторону резиденции Рейнье. Работа шла ночью и днем. Гарнизон здания штаба инженерных войск прикрывал ее, находясь под интенсивным артиллерийским огнем неприятеля из особняка ал-Багри.

В тот же день, 14 апреля, ожесточенные бои развернулись и возле святилища Абу-Риш, которое повстанцы пытались вернуть под свой контроль¹⁹⁹.

Чтобы обеспечить тыл своей армии во время штурма Каира, Клебер еще в предыдущие дни предпринял несколько попыток замирить мятежный Булак, предлагая его жителям сложить оружие и обещав взамен всеобщую амнистию. Так, в его обращении к населению Булака от 10 апреля говорилось:

«Бог всемогущий и милосердный желает, чтобы тот, кому Он дает победу, пользовался ею, проявляя великодушие и милость. Поэтому генерал Клебер дарует общее и частное прощение жителям Булака, которые в период пребывания османской армии вооружились и предпринимали наступательные или оборонительные действия против бесконечно победоносных французских войск, и надеется, что этот акт гуманности еще сильнее привяжет большинство жителей к французскому правительству, ибо судьбе угодно сохранить его власть над этой страной. Главнокомандующий поручает шейхам и улемам довести настоящее распоряжение до всех обитателей Булака и велит каждому мирно заниматься своими трудами и заботами»²⁰⁰.

По словам Мишо и Дама, Клебер трижды делал жителям Булака подобные предложения; ал-Джабарти насчитал их пять, ат-Турк – целых восемь, но все эти авторы сходятся в том, что повстанцы сочли мирные инициативы французского главнокомандующего свидетельством шаткого положения его армии (как мы видели, зерно истины в таких представлениях все же имелось) и отклонили их²⁰¹. Тем самым судьба Булака оказалась решена: на его усмирение сил у французов хватало. Эта

¹⁹⁹[Michaux A.-E.]. Op. cit. P. 90.

²⁰⁰Kléber en Égypte 1798–1800. T. 4. P. 811.

²⁰¹[Michaux A.-E.]. Op. cit. P. 90; Rapport. P. 757; *Абд ар-Рахман ал-Джабарти*. Указ. соч. С. 271; *Turc N.* Op. cit. P. 106.

операция, по признанию Дама, была задумана как показательный акт устрашения, который должен был продемонстрировать повстанцам Каира возможности французской армии и дать понять им, что ждет их самих в случае дальнейшего неповиновения: «Взятие Булака должно было ускорить взятие столицы, жители которой считали нас слишком слабыми, чтобы подчинить этот первый город. Его пример должен был повлиять на поведение командиров турецкой армии, которых шейхи Каира призывали капитулировать»²⁰².

Прибытие 13 апреля из Дельты 21-й легкой полубригады генерала Бельяра, насчитывавшей в своих рядах немногим более 1300 чел.²⁰³, и артиллерийского парка из Розетты позволило Клеберу осуществить штурм Булака, практически не снимая дополнительных войск с фронта. После того как 14 апреля жители Булака отклонили последний ультиматум, на следующее утро, **15 апреля**, был назначен штурм города, общее руководство которым осуществлял генерал Фриан. Кроме войск Бельяра, в нем принимали участие две роты гренадеров из 32-й линейной полубригады, легкая артиллерия дивизии Фриана и отряд саперов²⁰⁴.

Отмечая упорную оборону защитников Булака в тот день, официальные французские источники весьма скупы на подробности происходившего. Однако и они вскользь упоминают об «ужасах», выпавших на долю обитателей этого города. Наиболее лаконичен рассказ о штурме в отчете Мишо:

Французские войска, пишет он, «на заре ринулись по улицам, защищаемым неприятелем, атаковали и захватили множество баррикад, с которых турки вели самый интенсивный огонь, убили всех, у кого нашли оружие, и подожгли те дома, которые не смогли захватить. В Булаке имели место все те ужасы, которые случаются, когда город берут приступом. Генерал Фриан приказал положить им конец, как только убедился, что город взят. Наиболее влиятельные горожане бросились перед ним на колени, прося милости для остатков от этого несчастного города. Им было даровано прощение»²⁰⁵.

Чуть более подробностей приводит генерал Дама в «Докладе»:

«Город подвергли интенсивной бомбардировке, чтобы испытать еще и такое средство принуждения к покорности, прежде чем свергнуть

²⁰²Rapport. P. 757.

²⁰³См.: Чудинов А.В. Указ. соч. С. 135.

²⁰⁴[Michaux A.-E.]. Op. cit. P. 90.

²⁰⁵Ibid.

его в хаос, возникающий при штурме живой силой. Однако мятежники продолжали сопротивление, ведя интенсивный огонь из домов, в которых укрепились, и через бойницы баррикад, защищавших подступы и перекрывавших проходы. Тогда артиллерийским огнем была проделана брешь, прозвучал сигнал к атаке и солдаты одновременно ринулись ко всем укреплениям. Большинство было взято приступом, некоторые продолжали сопротивление. Неприятель защищался с величайшим упорством. Каждый дом становился для него новой Цитаделью, уничтожить которую могло только пламя. Это вызвало ожесточение солдат. Они поджигали все дома, которые не смогли захватить. Вскоре уже повсюду можно было услышать вопли ярости и отчаяния. Среди такого хаоса этим неистовым людям было вновь предложено прощение, но они его вновь отвергли. Стрельба возобновилась, вновь полилась кровь, и пламя пожрало большую часть этого густонаселенного города, пока, наконец, побежденные не воззвали к милости победителей.

Главы всех корпораций предстали перед генералом Фрианом с выражением покорности. В тот же миг беспорядок прекратился, военные действия остановились, с высоты минаретов и на всех площадях было оглашено прощение. Главнокомандующий немедленно его подтвердил»²⁰⁶.

Картина немедленного прекращения насилия по мановению руки генерала Фриана выглядит излишне театральной. По словам ат-Турка, остановить бесчинства оказалось далеко не так просто:

«Жители попросили пощады у генерала Бельяра, тот приказал прекратить резню, но солдаты грабили дома, лавки, конторы и склады, овладевали женщинами и юными девами. Складированное в Булаке имущество христианских и мусульманских торговцев – хлопок, рис, кофе, кошельки с деньгами – составляло огромную ценность общей стоимостью в 20 тыс. «кошельков». И всё оно было утрачено во время тех событий, а треть Булака – сожжена»²⁰⁷.

А вот как происшедшее в Булаке описывается шейхом ал-Джабарти:

«Французы овладели Булаком и предались грабежу и разбою, поступая с населением так, что при воспоминании об этом волосы седеют от ужаса. На всех дорогах и улицах валялась трупы. Здания были сожжены, особенно дома и дворцы, выходившие к Нилу и расположенные на окраинах Булака.

²⁰⁶ Rapport. P. 758.

²⁰⁷ Turc N. Op. cit. P. 107.

Многие жители, убедившись в победе французов, спасаясь, бежали в Верхний Египет. Но французы окружили город и не давали никому выходить из него. Они захватили лавки, торговые дворы и склады, завладели хранящимся там имуществом и товарами, заняли дома и захватили находившиеся там вещи и деньги, женщин, служанок, мальчиков и девочек, склады с зерном, сахаром, льном, хлопком, семенами, рисом, жирами, благовониями – одним словом, захватили столько, что всего не описать ни в каких строках и не охватить никакой книгой»²⁰⁸.

Справедливости ради заметим, что ал-Джабарты не присутствовал при описываемых событиях и мог рассказывать о них только с чужих слов. Тем не менее его изложение происшедшего полностью подтверждается показаниями французских очевидцев и участников штурма. Например, свидетельством Муаре:

«25 жерминаля VIII года [15 апреля] мы с нескольких сторон атаковали дерзкий и несчастный Булак. Он защищался с упорством, но после нескольких часов боя мы выбили его ворота и ворвались внутрь. Как же этот бедный городок заплатил за свой неразумный бунт! Я видел там, что большинство жителей были заколоты штыками, множество домов сожжено и всё разграблено. После этой печальной и жестокой экзекуции те, кто видел Булак раньше, не могли его узнать»²⁰⁹.

Офицеру Ришардо, чьи орудия вели артиллерийскую подготовку к штурму, издали показалось, что сопротивление повстанцев было не слишком упорным. Однако и он ужаснулся тому, что пережил Булак после взятия его французами:

«Город, как можно догадаться, был подвергнут грабежу и опустошению. Несколько офицеров, пытавшихся воспрепятствовать хотя бы иным эксцессам, рисковали своей жизнью. Солдат в этих ужасных обстоятельствах уже не признает над собой никаких начальников. Дисциплина для него всего лишь безжизненное правило. Ему чуждо всякое чувство гуманности. Он руководствуется лишь чувством мести, которое всегда слепо в своем яростном исступлении. Нет ничего более печального, чем взятие города штурмом, ибо нет ничего страшнее, ужаснее, чем следующее за этим разграбление, которое никакая сила не способна остановить»²¹⁰.

²⁰⁸ Абд ар-Рахман ал-Джабарты. Указ. соч. С. 273.

²⁰⁹ Moiret J.-M. Op. cit. P. 150.

²¹⁰ Richardot Ch., le lieutenant-colonel. Op. cit. P. 267.

Гренадерский офицер Виго-Руссильон, судя по его реакции на происшедшее, вполне мог быть среди тех командиров, кто тщетно пытался унять ярость своих подчиненных:

«...Чтобы устрасшить Каир, солдатам был разрешен грабеж, и они, совершив тысячу ужасных деяний, подожгли этот город. Я уже был ранее знаком с подобными сценами насилия, но не с такими эксцессами, которые, как я видел, совершались в Булаке. Это было омерзительно!

Солдаты пользовались и злоупотребляли так называемым правом завоевания, которое отдавало на их милость несчастных обитателей города, взятого штурмом. Булак был одним из наиболее богатых городов Египта, и наши солдаты взяли там огромную добычу, которую свалили в лагере возле Каира»²¹¹.

Однако наиболее откровенный и насыщенный деталями рассказ о трагической судьбе Булака мы находим в дневнике непосредственно о участника штурма – капитана Франсуа:

«На восходе генерал Фриан велел напасть на Булак и обстрелять его гранатами из гаубиц. Повстанцы продолжали сопротивление, ведя огонь с террас домов. В 7 часов в нескольких местах начался пожар, вызвавший большое смятение в городе, построенном из дерева. Также наша артиллерия пробила брешь в стене.

Поступил приказ войти в город. Барабаны пробили атаку. Мы ринулись во вражеские окопы, коля штыками их защитников. Их трупами мы заполняли рвы. Мы вошли в город и стали поджигать дома – единственное средство справиться с мятежниками, поливавшими нас огнем. Тем не менее нам удалось проникнуть внутрь города, повсюду устраивая пожары.

<...> При взятии Булака среди мятежников были обнаружены английские офицеры, а среди убитых – французские дезертиры. Попавшие в плен европейцы были расстреляны без суда. Я сам среди нескольких захваченных мною пленных признал одного англичанина по его речи. Чтобы удостовериться в этом наверняка, я заговорил с ним на арабском. Он не ответил. Тогда я спросил: “Вы англичанин?” Он мне ответил на немецком языке, смешанном с английским. Убедившись, что это действительно англичанин, я выстрелил ему в голову. Так я выразил свою ненависть к этой нации – причине всех наших бед.

²¹¹ *Vigo-Roussillon F. Op. cit. P. 110.*

<...> У врага было много убитых: штыками закалывали мужчин, женщин, детей. Невозможно установить точную цифру их потерь. У нас же из строя выбыли не более 200 человек, три четверти из них раненые. Среди последних – несколько генералов и старших офицеров.

Этот бой велся только штыками. Каждый боец нес в руке горящий факел, устраивая повсюду пожары. Почти половина города сгорела, включая значительное число складов, ведь Булак был кладовой каирской торговли. Однако несмотря на катастрофу, там нашлось множество ценных ресурсов, которые в дальнейшем были распределены между частями армии для оплаты жалованья и содержания»²¹².

В течение всего дня, пока защитники Булака вели неравную и безнадёжную борьбу, повстанцы Каира, видя с высоких зданий и слыша то, что происходило в пригороде, отчаянно атаковали французские позиции, пытаясь таким образом помочь своим соотечественникам. В отчете Мишо отмечается, что на правом фланге восставшие предприняли атаку из квартала Мясников, но были отброшены, после чего принялись обстреливать штаб инженерных войск, хотя и без большого успеха. Еще более ожесточенные боевые действия развернулись на левом фланге:

«Слева противник яростно атаковал святилище [Абу-Риш]. Батарея из двух орудий, стрелявших книппелями²¹³, обрушила его купол. Османы бросились к нам в окопы, выхватывали штыки у наших солдат и продвигались вперед с такой решимостью, что добрались до бойниц святилища. Хладнокровие наших гренадеров и ведение ими интенсивного огня заставили турок отступить. Те забрали с собою своих раненых и оставили мертвых»²¹⁴.

Несмотря на отчаянные усилия повстанцев Каира, им не удалось помочь защитникам Булака. Французам в тот день повсюду сопутствовала удача. В итоге они добились несомненного успеха: ликвидировали очаг сопротивления у себя в тылу и завладели большими материальными средствами, что имело далеко немаловажное значение при сложном финансовом положении Восточной армии. Вместе с тем успех этот носил сугубо тактический характер. Падение Булака, расположенного в отдалении от основного театра военных действий, не наносило пря-

²¹² Journal du capitaine François. P. 375.

²¹³ Книппель (*франц.* boulet ramé) – артиллерийский снаряд из двух чугунных ядер, соединенных стержнем.

²¹⁴ [Michaux A.-E.]. Op. cit. P. 91.

мого ущерба обороне собственно Каира. А то, насколько эффективной в психологическом плане оказалась акция устрашения, которую французы произвели с демонстративной жестокостью, могли показать только дальнейшие события.

Генеральный штурм

Пока в Булаке и Каире шли бои, французские саперы под землей не прекращали работы и к утру **16 апреля** подвели мину под бывшую резиденцию Рейнье. Именно с ее взрыва и должен был начаться генеральный штурм города в ночь с 16-го на 17-е. В преддверии его по армии было распространено следующее обращение главнокомандующего:

«Солдаты!

Вам предстоит атаковать несколько кварталов города Каира. Если вы будете грабить, то вы сами сделаете так, что каждый дом станет вашей могилой. Вы не останетесь без награды, это я вам обещаю; но сначала надо победить и уничтожить наших врагов. Поэтому я приказываю каждого, кто будет застигнут за грабежом, предать смертной казни.

Клебер»²¹⁵

Почему появился такой приказ на другой день после того, что французы сделали с Булаком? Потому что в Каире французское командование преследовало принципиально иную цель. Если в Булаке ставилась задача произвести показательную экзекуцию – настоящий акт террора, призванный устроить защитников столицы и подавить их волю к сопротивлению, для чего и были допущены все возможные эксцессы, то в Каире речь шла о принуждении турецкого командования и лидеров мамлюков к капитуляции, которую излишнее ожесточение борьбы могло только осложнить. В той партии психологической войны, которую вел Клебер, важны были любые нюансы.

В ходе штурма предполагалось вновь широко использовать поджог домов. «Разведчики, занимавшие передовые посты, получили просмолненные факелы, – сообщает капитан Франсуа. – Им первым предстояло войти в город»²¹⁶. Атака должна была начаться с наступлением темноты. Однако в тот день на стороне повстанцев оказались силы самой природы: с заходом солнца на Каир обрушился небывалый для тех мест ливень. «Это был первый ливень, который я увидел в Егип-

²¹⁵ Ibid.

²¹⁶ Journal du capitaine François. P. 376.

те», – отметил Франсуа в дневнике²¹⁷. Французы моментально лишились одного из своих главных средств ведения уличного боя – возможности поджигать здания. Наступление пришлось отменить²¹⁸. Одна из колонн дивизии генерала Рейнье, раньше других начавшая движение, была возвращена на исходные позиции уже после того, как вступила в огневой контакт с неприятелем. Она отступила, потеряв 5–6 человек ранеными²¹⁹.

Правда, по словам ал-Джабарты, боевые действия продолжались и в ливень²²⁰. Однако, согласно его версии, французы в тот день одновременно штурмовали и Булак, и Каир, что противоречит данным всех остальных источников. Очевидно, в данном случае арабский хронист смешал воедино события разных дней. Тем не менее зерно истины в его сообщении о жестоком сражении под дождем, возможно, все же есть. Мишо сообщает о развернувшихся у святилища Абу-Риш кровопролитных боях утром **17 апреля**, когда ливень, возможно, еще не закончился. Но там инициатива атаки исходила как раз от повстанцев. Днем ранее, 16 апреля, они, установив пушку перед святилищем, открыли по нему интенсивный огонь, пробив в стене здания брешь. В ночь на 17-е французы под дождем притащили в святилище тяжелое, 8-фунтовое орудие, из которого с утра начали обстреливать вражескую батарею. В ответ неприятель пошел в атаку, но был отброшен, потеряв до тридцати человек убитыми и ранеными.

На правом фланге повстанцы продолжали обстреливать здание штаба инженерных войск от особняка ал-Бакри из пушек, а от бывшей резиденции Рейнье из ружей. Французам приходилось заделывать брешь и отстреливаться²²¹.

18 апреля французские войска вновь получили приказ готовиться к общему ночному штурму города. Согласно отчету Мишо, дивизии Фриана предстояло наступать четырьмя колоннами с запада, дивизии Рейнье – тремя с севера. Сигналом к началу атаки должен был стать подрыв мины, уже два дня тому назад подведенной под бывшую резиденцию Рейнье. Рассказывает капитан Франсуа:

«В пять вечера мы взялись за оружие. Передовые посты и мы, драматеры, как и разведчики, имели с собой просмоленные факелы.

²¹⁷ Ibid. P. 376.

²¹⁸ [Michaux A.-E.]. Op. cit. P. 91; Rapport. P. 759.

²¹⁹ [Michaux A.-E.]. Op. cit. P. 91.

²²⁰ Абд ар-Рахман ал-Джабарты. Указ. соч. С. 272–273.

²²¹ [Michaux A.-E.]. Op. cit. P. 91–92.

В шесть часов мина взорвалась с большим успехом. Турки, набившиеся в этот дом, были погребены под руинами, а площадь Эзбекия оказалась усеяна частями тел вражеских солдат»²²².

А вот как это запомнилось Муаре:

«28-го [жерминаля (18 апреля)] с наступлением ночи взрыв мины поднял на воздух дом Рейнье, являвшийся для врага неприступным укрытием. Множество мятежников были погребены под обломками, других пожирало пламя, вырвавшееся из недр, отчего вокруг распространился невыносимый запах»²²³.

После взрыва французские войска пошли на приступ. Капитан Франсуа со своими дромадерами действовал в составе дивизии Фриана, составлявшей центр и правый фланг французских порядков:

«Мы двинулись внутрь города, распространяя огонь повсюду, где шли. Мы убивали османов, мамлюков, турок, мужчин, женщин и детей. Нами командовали генералы Фриан, Бельяр и Донзело»²²⁴.

Однако если в поисках общей картины действий дивизии Фриана мы обратимся к «Докладу», то обнаружим, что Дама описывает события генерального штурма не многим более пространно:

«Взрыв мины, которую мы подводили в течение нескольких дней, стал сигналом к наступлению. С началом ночи она была очень удачно приведена в действие: множество османов и мамлюков, защищавших эту позицию, были погребены под развалинами. Немедленно повсюду начался бой. Дивизия Фриана составляла правый фланг и центр: генерал Донзело руководил атакой правого крыла, где находился и генерал Фриан; оно состояло из подразделений 61-й, 75-й и 88-й полубригад; генерал Бельяр руководил наступлением центральной группировки, состоявшей из 21-й легкой [полубригады] и отряда из состава 25-й линейной [полубригады] под командованием генерал-адъютанта Дюранто»²²⁵.

И всё!!! Даже некоторые бои местного значения освещены в «Докладе» более подробно, чем решающее сражение за город. Подобная лаконичность могла бы удивить, если бы мы ранее уже не констатировали стремление авторов «Доклада» сгладить или вообще обойти молчанием те неудобные моменты, которые они не хотели доводить до сведения широкой публики. Между тем, если судить по служебному

²²² Journal du capitaine François. P. 376.

²²³ Moiret J.-M. Op. cit. P. 150.

²²⁴ Journal du capitaine François. P. 377.

²²⁵ Rapport. P. 759.

отчету Мишо, хвастаться действительно было нечем: на участке дивизии Фриана штурм захлебнулся:

«Дивизия Фриана должна была наступать по четырем направлениям: по первому – на квартал Института, по второму – на квартал Дубильщиков, по третьему – на квартал Мясников, по четвертому – через площадь Эзбекийя на Коптский квартал.

<...> Шеф бригады Силли во главе 88-й [линейной полубригады] ринулся в квартал Института и не смог в него проникнуть.

Бригадный генерал Донзело, продвигавшийся в квартал Дубильщиков по Печной улице (Fours-à-chaux), обнаружил, что она перекрыта рвом шириною в 12 футов и глубиною в 6 футов. Дома справа и слева от канавы были заняты врагом, который встретил голову колонны градом пуль. Он [Донзело] не смог преодолеть такое препятствие и занял оборону на этой улице, забаррикадировав ее, и на возвышенности позади печей для обжига извести.

Генерал Фриан, руководивший основным наступлением, должен был проникнуть в город по улице, шедшей мимо бывшей резиденции Рейнье. Взрыв мины завалил эту улицу. Тогда генерал двинулся по улице Мясников через еще горящие руины домов и остановился возле перекрестка с Печной улицей, чтобы войти внутрь квартала левее него. Первым препятствием, которое ему предстояло преодолеть, были ворота квартала, восстановленные противником и заваленные грудой земли²²⁶. Дома по бокам от них были заняты противником, который начал кидать камни и произвел несколько ружейных выстрелов. Из-за отсутствия инструментов для того, чтобы выбить ворота, было решено их поджечь, а [солдатам] подняться внутрь этих не слишком высоких домов. Неприятель был выбит, дома взломаны, и разведчики приготовились штурмовать новую баррикаду из камня, высившуюся в 50 туазах [около 100 м] от сожженных ворот. Преодолев это новое препятствие, колонна подошла к разветвлению улиц, одна из которых спускалась к площади Эзбекийя, а другая ее огибала. Враг большими силами занимал дома по обоим этим улицам и встретил интенсивным огнем наши войска, которые не решались идти вперед. Колонны [Силли и Донзело], которые должны были прикрывать эту колонну справа, не смогли продвинуться [в глубь города], и генерал Фриан счел нужным отступить

²²⁶Кварталы Каира были огорожены стенами с запиравшимися на ночь воротами. Окупировав город, Бонапарт приказал снять все ворота между кварталами еще накануне Первого каирского восстания. Во время Второго восстания жители города эти ворота восстановили.

к перекрестку Печной улицы, приказав поджечь перед ним все дома квартала. Неприятель всю ночь интенсивно обстреливал наш правый фланг из ружей.

Атака бригадного генерала Бельяра через Коптский квартал завершилась неудачей. Улицы, по которым он должен был идти, были так хорошо забаррикадированы и защищены, что солдаты не смогли продвинуться»²²⁷.

В результате всех этих неудачных попыток дивизия Фриана потеряла убитыми одного офицера – капитана разведчиков – и десятков солдат, а ранеными – двух офицеров и пятьдесят нижних чинов. Особенно пострадала колонна генерала Бельяра, а сам он был тяжело ранен²²⁸.

Контраст между освещением генерального штурма в «Докладе» и в отчете Мишо еще более разителен при описании действий дивизии Рейнье на левом фланге. Изложенная в «Докладе» версия Дама коротка и бравурна:

«В то же время генерал Рейнье весьма успешно атаковал на левом фланге. Войска, которыми здесь командовал генерал Робен, включали в себя 22-ю легкую, 9-ю, 13-ю и 85-ю линейные полубригады. Повсюду бои шли с крайним ожесточением.

Дивизия генерала Рейнье, далеко продвинувшаяся в глубь города через ворота Баб эль-Шарье, подожгла немалую часть домов в этом квартале и убила много врагов»²²⁹.

Напротив, отчет Мишо и здесь не менее пессимистичен, чем ранее:

«На левом фланге дивизия Рейнье сформировала три колонны. Правая под командованием шефа бригады Гоге атаковала с позиций левее Коптского квартала. Она встретила упорное сопротивление и не смогла преодолеть турецкие позиции.

Вторая колонна под командованием бригадного генерала Робена ринулась от святилища на окопы противника, опрокинула его и гнала штыками до большой улицы Коптского квартала, где соединилась с третьей колонной, возглавляемой шефом бригады Пепеном, командиром 9-й линейной [полубригады]. Оба подразделения начали укрепляться на захваченных улицах. Однако когда генерал Рейнье узнал, что его правый фланг не прикрыт, он около часа ночи приказал отступить к святилищу, после того как занятый квартал будет подожжен»²³⁰.

²²⁷ [Michaux A.-E.]. Op. cit. P. 92–93.

²²⁸ Ibid. P. 93.

²²⁹ Rapport. P. 759.

²³⁰ [Michaux A.-E.]. Op. cit. P. 93.

В результате дивизия Рейнье потеряла убитыми с десятков человек, включая двух офицеров, и 60 ранеными, в том числе 15 саперов. Общие потери неприятеля за первый день штурма Мишо оценивает примерно в 200 человек убитыми и 80 пленными²³¹. Приведенные в «Докладе» цифры потерь противника больше в разы – до 800 человек убитыми²³². Правда, и они выглядят довольно скромными по сравнению с тем, как увиделись итоги дня находившемуся в передовых порядках капитану Франсуа:

«Более 500 домов было сожжено и убито более 2000 османов и мамлюков, включая многих командиров. Однако мы не знаем число тех повстанцев и жителей обоего пола и всех возрастов, которые сгорели в своих домах, но оно должно быть значительным, так как пленных мы не брали»²³³.

Относительно военных результатов первого дня штурма расхождение в оценках Дама и Мишо столь же существенны. Автор «Доклада» и здесь лаконичен: «С наступлением дня бой прекратился, мы заняли позиции, с которых выбили неприятеля»²³⁴. Напротив, Мишо, ранее уже рассказавший о том, что практически повсюду французы как раз и не смогли выбить неприятеля с его позиций, а там, где смогли, все равно вынуждены были потом отступить, делает акцент не столько на достаточно скромных военных результатах штурма, сколько на его психологическом значении: «В целом наша атака должна была наполнить город ужасом, но она стоила нам очень дорого, учитывая понесенные потери и то разочарование, которое испытали наши солдаты, видя, что отброшены назад во многих местах»²³⁵. О том же пишет и Муаре: «Мы потеряли много людей, хотя противник и потерял намного больше»²³⁶.

Несмотря на явно неудовлетворительный военный результат первого дня штурма, действия французов показали их готовность прибегнуть к самым решительным мерам для подавления восстания, что, несомненно, должно было произвести эффект на жителей Каира. И Клебер постарался этот эффект усилить, развернув вслед за военной атакой настоящее психологическое наступление. Как сообщает Мишо, главнокомандующий предпринял самые активные меры для распро-

²³¹ Ibid.

²³² Rapport. P. 760.

²³³ Journal du capitaine François. P. 377.

²³⁴ Rapport. P. 760.

²³⁵ [Michaux A.-E.]. Op. cit. P. 93.

²³⁶ Moiret J.-M. Op. cit. P. 150.

странения в городе тревожных слухов о том, что Каир ожидает судьба Булака²³⁷. Дама отмечает, что на протяжении всех предшествующих дней Клебер поддерживал тайные связи с городской верхушкой²³⁸, которая, очевидно, в силу своего положения – ей-то было что терять – должна была оказаться наиболее восприимчива к подобным слухам и могла благодаря своему влиянию в городе способствовать их распространению.

Пацифизм каирских шейхов, помимо усталости от военных невзгод и опасений за свою собственность, которой могли в равной степени угрожать как французы, что было наглядно продемонстрировано в Булаке, так и городская чернь, приобретающая в военное время большое влияние, подпитывался также враждебным отношением арабского населения города к османам. Отмечавшиеся ранее противоречия между горожанами и турецкими военными переросли за время осады в настоящий антагонизм. «...Жителям, – пишет ал-Джабарти, – стало более невозможно выносить сумятицу, напряжение, пожары, бодрствование и днем, и ночью. На их долю выпало испытать голод, доводивший до гибели людей, особенно бедняков, и их скот, перенести обиды от солдат, которые забирали все, что находили. Поэтому жители хотели ухода солдат и возвращения французов, чтобы восстановить прежнее положение»²³⁹. Мишо также указывает, что Клебер пытался сыграть на недовольстве населения Каира турецкой армией: «Это разнузданное воинство творило в городе все возможные эксцессы»²⁴⁰.

Шейхи, по свидетельству Дама, «довели до сведения турецкого командования и их представителей жалобы народа на то, что более длительное сопротивление приведет к разрушению города без какой-либо выгоды для Великого визиря». И наконец, как последнее из искушений, в тот же самый день перед Насуф-пашой и Ибрагим-беем предстали уже известные нам доверенные лица Мурад-бея – Осман ал-Бардис и кашиф Хуссейн, предложившие выступить посредниками в мирных переговорах²⁴¹.

Психологическая атака Клебера оказалась успешнее военного наступления. Предводители восставших все же поддались на звучащие со всех сторон уговоры и отправили к французскому главнокомандую-

²³⁷ Ibid. P. 96.

²³⁸ Rapport. P. 760.

²³⁹ Абд ар-Рахман ал-Джабарти. Указ. соч. С. 272.

²⁴⁰ [Michaux A.-E.]. Op. cit. P. 96.

²⁴¹ Rapport. P. 760. Ср.: [Michaux A.-E.]. Op. cit. P. 96.

щему парламентаров – Османа ал-Ашкара из дома Ибрагим-бея и Атмана Ага, приближенного великого визиря²⁴².

Для того чтобы закрепить эту обозначившуюся у вражеского командования слабость, Клебер продолжал демонстрировать самые решительные намерения и приказал **19 апреля** вести наступление даже при свете дня, хотя обычно французы атаковали ночью. Правда, как бесстрастно констатирует Мишо, и в этот день удача была ничуть не более благосклонна к французским военным, чем накануне:

«29-го [жерминаля (19 апреля)] главнокомандующий приказал генералу Фриану занять мечеть выше дома Рейнье. Подобная атака не могла проводиться при полном свете дня. Была предпринята попытка подобраться к мечети через квартал Мясников, пробираясь из дома в дом, но неприятель, который тут был силен, открыл интенсивный огонь из мечети и близлежащих домов, вынудив наших саперов и наши войска к отступлению.

Войска, расположенные на возвышенности возле печей для обжига извести, испытывали большое неудобство из-за ружейного огня из квартала Дубильщиков»²⁴³.

Впрочем, исход сражения решался не на поле боя, а в зале переговоров. Дневное наступление Фриана служило своего рода фоном, на котором разворачивалось основное действие спектакля, блестяще сыгранного Клебером перед представителями вражеского командования. Рассказывает Дама:

«На другой день, 29-го [жерминаля (19 апреля)], главнокомандующий дал им публичную аудиенцию в присутствии всех своих генералов и штабных офицеров. дабы выслушать предложения, которые ему должны были представить.

Выслушав, он с презрением отверг их, сказав, что если сказанное станет известно армии, та исполнится негодованием, и всякие возможности для примирения будут утрачены навсегда.

В завершение главнокомандующий провел троих парламентаров [Османа ал-Ашкара, Атмана Ага и ал-Бардисы] в помещение, откуда можно было видеть Каир и Булак. Указав рукой на второй из этих городов, который еще продолжал гореть, он без помощи переводчика доступно объяснил им, что произойдет со столицей, если она не покорится французской армии. И наконец, он попросил их показать Ибра-

²⁴²Rapport. P. 760.

²⁴³[Michaux A.-E.]. Op. cit. P. 95.

гим-бею свой мирный договор с Мурад-беем, о котором они еще не знали. Это произвело именно тот эффект, на который главнокомандующий и рассчитывал. Он предвидел изумление этого бей, когда тот узнает [о договоре], и то, что он после этого попытается сделать командование турецкой армии более сговорчивым»²⁴⁴.

Парламентеры вернулись в город, а французская армия между тем продолжала попытки наступления, правда, без большого успеха. Впрочем, в той игре, что вел Клебер, сама по себе демонстрация активности была важнее полученных результатов. Согласно Мишо, в ночь с 19 на **20 апреля** генерал Фриан выделил отряд в 80 человек, включая 30 саперов, чтобы атаковать квартал Дубильщиков, откуда непрерывный обстрел досаждал его войскам на позиции возле печей для обжига извести. Атакующим удалось потеснить повстанцев и занять несколько домов, однако командовавший наступлением офицер главного штаба Фуассак был убит. Французам пришлось остановиться и прибегнуть к испытанному оружию – поджечь дома, отделявшие их от неприятеля.

На левом фланге войска генерала Рейнье, преодолев несколько баррикад, вновь выдвинулись к воротам Баб эль-Шарье, к которым они уже выходили двумя днями ранее, и стали укрепляться возле них, несмотря на интенсивный ружейный огонь противника²⁴⁵.

Днем 20 апреля, сообщает Дама, парламентеры от неприятеля прибыли уже с гораздо более приемлемыми предложениями. Проявленная руководителями повстанцев готовность к компромиссу свидетельствовала о том, что Клеберу все же удалось психологически подавить неприятеля и за первыми уступками можно ожидать новых. Поэтому генерал не спешил принимать предложенный ему текст соглашения о капитуляции повстанцев, а внес в него дополнительную правку. Демонстрируя решительный настрой и уверенность в своих силах, он отказался заключать перемирие до тех пор, пока капитуляция не будет подписана. В качестве еще одной меры психологического воздействия он позволил парламентерам встретиться с турецкими офицерами, ранее захваченными в Дельте генералом Бельяром, и те подтвердили, что французы полностью восстановили свой контроль над Египтом и помощи Каиру ждать неоткуда. После этой беседы парламентеры отпра-

²⁴⁴ Rapport. P. 761.

²⁴⁵ [Michaux A.-E.]. Op. cit. P. 95.

вились обратно с теми условиями капитуляции, что предложил им французский главнокомандующий²⁴⁶. Клебер же коротко сообщил о происходящем находившемуся в Александрии генералу Ланюсу: «Мы атаковали один из кварталов города, к чему добавилась удачно подведенная мина, вызвавшая большие потери у неприятеля. Сейчас опять идут переговоры»²⁴⁷.

21 апреля боевые действия продолжались и на военном, и на дипломатическом фронтах. Как сообщает Мишо, войска генерала Фриана опять попытались продвинуться вперед от бывшей резиденции Рейнье. На сей раз они делали это поверху – перекидывая мостики между окнами и переходя по ним из дома в дом. Таким образом им удалось занять несколько зданий возле той самой мечети, которую главнокомандующий приказал взять еще 19 апреля. Неприятель ответил контратакой, очевидно, достаточно массовой, если от огня в упор потерял до сотни человек убитыми. Общие потери французов Мишо не приводит, упоминая только о гибели капитана инженерных войск Роже. Закончилось же всё, как обычно: обе враждующие стороны подожгли тот квартал, за который сражались²⁴⁸.

Это был последний бой. В тот же день, 21 апреля, Насуф-паша, Осман Катхода и Ибрагим-бей подписали соглашение о капитуляции. Согласно этому документу, все подчиненные им вооруженные силы должны были 22 апреля в 7 часов утра оставить свои позиции и отступить на правый берег канала Халидж. 25 апреля на восходе турецкие войска и мамлюки обязаны были покинуть Каир и уйти в Сирию с вещами и личным оружием, оставив в городе всю свою артиллерию. Французы предоставляли им сто верблюдов с провиантом и фуражом для этого перехода. До Салихии, куда уходящие из Каира турки и мамлюки обязаны были прибыть на четвертый день, их должна была сопровождать дивизия Рейнье. Предусматривался обмен пленными всех на всех. Жителям Каира, принимавшим участие в восстании, объявлялась амнистия, но права уйти вместе с войсками Насуф-паши и Ибрагим-бея они не получили²⁴⁹. Вероятно, последним пунктом французы просто хотели предупредить массовый исход населения из Каира. На деле же тем представителям городских верхов, кто решил

²⁴⁶Rapport. P. 761.

²⁴⁷Kléber en Égypte 1798–1800. T. 4. P. 836.

²⁴⁸[Michaux A.-E.]. Op. cit. P. 95.

²⁴⁹Ibid. P. 99–100.

уйти с турками, препятствия не чинились. Таковых, по свидетельству Франсуа, набралось 6–7 тыс.²⁵⁰

Бесспорно, это был феноменальный успех Клебера. Чередуя увещевания и запугивание, он дипломатическим путем возвращал себе контроль над Каиром, вернуть который сугубо военными средствами шансов у него практически не было. Оставалось теперь лишь не спугнуть удачу и добиться реализации соглашения на практике, помешать чему могла любая нелепая случайность. Чтобы предотвратить ее со стороны своих подчиненных, Клебер издал следующий приказ:

«Солдаты! Дабы сберечь вашу кровь я одновременно с военными операциями вел переговоры. Самое трудное, с чем мне пришлось столкнуться, это было убедить жителей в том, что они не подвергнутся грабежу и разорению. Пример Булака, где я позволил вам на время утолить свою жажду мести, вселял в них ужас. Я сумел их разуверить. Я обещал безопасность и защиту им самим и их собственности, и только тогда они перестали чинить препятствия уходу османских войск.

Солдаты! Когда ваш командир берет на себя обязательства, ваш долг их выполнять. Я рассчитываю в данном отношении на ваше повиновение и на понимание вами ваших собственных интересов. Один-единственный эксцесс может превратить в ничто соглашение о капитуляции, которое я только что подписал. Не ограничивайтесь тем, что сами будете воздерживаться от малейших правонарушений, но не позволяйте их совершать и всему тому множеству людей, кто прятался в убежище, пока было опасно, и покинул его, лишь когда угроза миновала, дабы [постыдными делами] довершить свое бесчестие. А потому я запрещаю любой грабеж и напоминаю о соответствующем моем приказе от 27 жерминаля [17 апреля]»²⁵¹.

Немалые усилия для сохранения перемирия пришлось приложить и другой стороне. Если основная масса жителей Каира устала от войны и от присутствия турецких военных, то маргиналы, которым нечего было терять и которые чувствовали себя во время осады полноправными хозяевами города, желали продолжения военных действий. Сложности возникли уже на другой день после подписания капитуляции. Утром **22 апреля** стороны в качестве гарантии выполнения соглашения обменялись заложниками. От французов, пишет Дама, такими стали генерал-адъютант Рене и капитан Тиош. Однако едва они

²⁵⁰ Journal du capitaine François. P. 379.

²⁵¹ Ibid. P. 96–97.

покинули резиденцию Насуф-паши, чтобы последовать за Эльфи-беем, отвечавшим за их безопасность, как подверглись атаке черни. От гибели их спасла только решительность провожатого: Эльфи-бей запер их в ближайшей мечети и лично с саблей в руке охранял со своими мамлюками вход в нее до самого вечера, пока опасность не отступила²⁵². По словам же ал-Джабарти, в защите заложников принял участие даже лично Насуф-паша²⁵³.

Имели, по свидетельству ал-Джабарти, в период между подписанием капитуляции и уходом турок также и другие провокации:

«Магрибинец сел на коня, направился в ал-Хусайнийу и призвал к продолжению войны с французами. Тогда жители ал-Хусайнийи пришли к Осману Катходе и спросили его, должны ли они последовать за магрибинцем или им следует помешать ему в его намерениях. Насух-паша приказал остановить магрибинца и прекратить военные действия.

Тогда ал-Махруки²⁵⁴ сел на коня и поехал через Сук ал-Хашаб, а перед ним шел глашатай и объявлял о том, что мир нарушен и необходимо строить баррикады. Но его остановил турецкий интендант.

Затем открыли дверь торгового двора, и из него вышли солдаты с палками. Они разогнали толпу, а затем ушли, и наступило спокойствие»²⁵⁵.

О том, что в городе **23 апреля** имели место волнения недовольных капитуляцией, сообщается и в отчете Мишо. Судя по его же словам, **24 апреля** напряжение достигло предела: в ожидании новых провокаций французские посты повсюду были удвоены, а подступы к площади Эзбекиия дополнительно укреплены²⁵⁶. В тот же день капитан Франсуа побывал на другой стороне недавнего фронта:

«Я получил задание отвезти несколько распоряжений османо-турецким и английским руководителям. Это оказалось более чем опасно из-

²⁵² Rapport. P. 762.

²⁵³ Абд ар-Рахман ал-Джабарти. Указ. соч. С. 275–276.

²⁵⁴ Сейид Ахмад ал-Махруки, старейшина каирских купцов, в период оккупации пользовался у французов большим уважением, был членом дивана, а в декабре 1798 г. даже сопровождал Бонапарта в Суэц. Однако во время Второго каирского восстания принял активное участие в обороне Каира, потратив значительные средства на поддержку повстанцев и призывая к продолжению священной войны до победного конца. После заключения капитуляции он покинул Каир с турецкой армией, а его оставшееся в городе имущество было конфисковано. Однако в 1801 г. ал-Махруки с почетом вернулся в Египет в составе новой армии великого визиря. Подробнее о нем см.: Там же. С. 75, 127–128, 243–244, 257, 266, 275, 285, 454, 467; *Turc N. Op. cit.* P. 109.

²⁵⁵ Абд ар-Рахман ал-Джабарти. Указ. соч. С. 276.

²⁵⁶ [Michaux A.-E.]. *Op. cit.* P. 97.

за постоянной угрозы со стороны черни. Однако постовые мамлюков меня защитили и проводили к самому Насуф-паше, который со мною хорошо обошелся и подарил от себя горсть золотых монет»²⁵⁷.

В конечном счете стремление обеих сторон к миру возобладавало:

«5 флореаля [25 апреля] турецкие войска, мамлюки Ибрагим-бея и некоторое количество жителей Каира, преданных вражескому делу, покинули город в 6 часов утра. Сопровождаемые дивизией Рейнье, они направились в Салихию»²⁵⁸.

Вместе с ними ушло в историю и Второе каирское восстание.

Заключение

Читая французские исторические работы, так или иначе затрагивающие тему Второго каирского восстания, трудно избавиться от ощущения полной безнадежности этой самой масштабной в период Египетского похода 1789–1801 гг. попытки египтян избавиться от ига иностранной оккупации. Выступление жителей Каира против французского господства представляется не более чем стихийным взрывом неконтролируемых эмоций, а последующая борьба слабо вооруженных повстанцев против отлаженной военной машины Восточной армии выглядит заранее обреченной на поражение. Затянувшуюся же на месяц осаду историки²⁵⁹ объясняют лишь осторожностью Клебера, стремившегося, как утверждал он сам в «Докладе», прежде всего сберечь город и жизни своих солдат²⁶⁰. При таком взгляде на происшедшее неизбежность победы французов сомнений не вызывает: речь, мол, шла лишь о стоявшем перед их командующим выборе наиболее оптимального пути к ней.

Преобладание подобного подхода вызвано, на мой взгляд, излишней доверчивостью исследователей в отношении версии, изложенной самим Клебером и его начальником штаба Дама в «Докладе», который до сих пор остается основным источником для освещения указанных событий. Однако перекрестная верификация данных, представленных в этом документе и в других свидетельствах современников и прежде всего в предназначавшемся для служебного пользования штабном отчете Ми-

²⁵⁷ Journal du capitaine François. P. 379.

²⁵⁸ [Michaux A.-E.]. Op. cit. P. 97.

²⁵⁹ См., например: Laurens H. Op. cit. P. 375.

²⁶⁰ «Я решил использовать все средства, чтобы восстановить власть над Каиром иным путем, нежели штурмуя его войсками, и пожертвовал громом победы ради двух наиболее желанных для меня целей – сохранения армии и города, необходимого для утверждения в этой стране». – Rapport. P. 751.

шо, позволяет констатировать определенную тенденциозность текста Клебера и Дама, изначально готовившегося для публикации. Авторы «Доклада», отчитывавшиеся о своей деятельности во главе Восточной армии, старались убедить читателя в том, что выбиравшиеся ими решения всякий раз были наиболее оптимальными и ситуация постоянно находилась под контролем. Между тем мы видели, что исход кампании был далеко не столь однозначно предопределенным.

В отличие от Первого каирского восстания, целенаправленно готовившегося противниками французов внутри египетского общества, Второе восстание оказалось спровоцировано внешним фактором. Оно, бесспорно, имело свои внутренние причины, главной из которых было недовольство широких слоев египетского населения французской оккупацией. Однако в условиях жесткого контроля и непрестанного террора со стороны оккупационной администрации возникновение собственно в городе каких-либо центров организованного сопротивления французам было просто невозможно. И только прибытие в Каир значительных военных сил турок и мамлюков, сообщивших к тому же его жителям о победе великого визиря над французами, стало детонатором мощного социального взрыва.

Значительное присутствие внешних сил в среде восставших – это определяющая особенность Второго каирского восстания, которая обусловила и его силу, и его слабость. С одной стороны, турецкий военный контингент и отряды мамлюков стали тем организующим ядром повстанческих сил, вокруг которого объединились массы вооруженных горожан. Участие в защите Каира турецких военных, которых сами европейцы признавали блестящими специалистами оборонительного боя, по-настоящему цементировало ее, сделав невозможным стремительное наступление внутрь города, предпринятое Бонапартом в период Первого каирского восстания.

Кроме того, за полтора года после Первого каирского восстания соотношение сил существенно изменилось не в пользу французов: численность Восточной армии сократилась за прошедшее время почти вдвое, тогда как приход турок и мамлюков значительно умножил число ее противников в Каире. С учетом этого обстоятельства значительно бóльшая продолжительность Второго каирского восстания по сравнению с Первым выглядит и вовсе закономерной.

Причиной того, что восстание затянулось на столь долгий период, была отнюдь не какая-то особая гуманность Клебера, не желавшего штурмовать город, чтобы не разрушить его. Французы ежедневно разрушали

Каир, используя в уличных боях массовые поджоги домов. Да и сам Клебер в письме генералу Ланюсу от 16 апреля, как раз накануне генерального наступления, признавал, что в случае необходимости готов на самые решительные меры: «Исчерпав все средства убеждения и милосердия в отношении Булака, я вынужден был отдать приказ штурмовать его войсками, предав разграблению и пламени. Мне крайне претит использовать такое же средство против Каира, но *мне придется это сделать*, если голод, уже начавший свое дело, не вразумит его жителей»²⁶¹.

Второе каирское восстание продлилось так долго не потому, что Клебер избегал применять крайние средства, а потому, что у него *их просто не было*. Даже собрав воедино все имевшиеся у них в наличии силы, французы в ходе генерального штурма 18 апреля не добились успеха ни на одном из направлений своих атак. Благодаря специфическим условиям уличного боя, высокому боевому духу повстанцев и их большому численному перевесу оборона города оказалась непреодолима для французской армии. А какими-либо дополнительными ресурсами для того, чтобы усилить натиск, она уже не обладала.

Однако для массовых восстаний, где в отличие от действий профессиональных армий участвуют самые широкие и разнообразные слои населения со своими, далеко не схожими между собой интересами, политический фактор зачастую оказывается не менее, а то и более значимым, чем сугубо военный. Клебер в свое время прекрасно понял это, воюя против инсургентов Вандеи. И теперь, в условиях явной нехватки чисто военных средств, он попытался разыграть политическую карту, использовав противоречия внутри повстанческого лагеря. Вот тут-то присутствие внешних элементов в среде повстанцев и обернулось слабостью восстания. Используя широкий диапазон методов психологического давления, сочетая посулы и запугивание, Клебер тонко провел свою партию, добившись политическим путем того, чего не смог достичь военным. А потому его последняя кампания – менее чем через два месяца он падет от руки убийцы – может считаться настоящим шедевром сочетания военных и политических средств.

Для египтян же опыт Второго каирского восстания стал своего рода уроком, показав, что без собственных национальных лидеров и армии они, несмотря на любые проявления героизма и самоотверженности, всегда будут только пешкой в игре внешних сил. Однако уже через несколько лет они обретут то и другое – в эпоху Муххамеда Али.

²⁶¹ Kléber en Égypte 1798–1800. Т. 4. Р. 832. Курсив мой. – А. Ч.

Список литературы

- Абд ар-Рахман ал-Джабарты*. Египет в период экспедиции Бонапарта. М., 1962. [*Abd ar-Rahman al-Dzhabarti*. Egiptet v period ekspedicii Bonaparta. M., 1962.].
- Прусская Е.А.* Арабские хроники как источник по истории Египетской экспедиции Бонапарта // ФЕ 2010. Источники по истории Французской революции XVIII в. и эпохе Наполеона. М., 2010. С. 274–290. [*Prusskaya E.A.* Arabskie hroniki kak istochnik po istorii Egiptskoi ekspedicii Bonaparta // Francuzskii ejegodnik 2010. Istochniki po istorii Francuzskoi revolyucii XVIII v. i epohe Napoleona. M., 2010.].
- Прусская Е.А.* Египет в сочинениях французских путешественников К.-Э. Савари и К. Ф. Вольнея в конце XVIII в. // ВИ. № 1. 2012. С.111–121. [*Prusskaya E.A.* Egiptet v sochineniyah francuzskih puteshes-tvennikov K.-E. Savari i K. F. Vol'neya v konce XVIII v. // Voprosi istorii. № 1. 2012. S.111–121.].
- Чудинов А.В.* Сражение при Гелиополисе, или Забытая победа // ФЕ 2014. Т. 2: Франция и Восток. М., 2014. С. 122–165. [*Tchoudinov A.V.* Srazhenie pri Geliopolise, ili Zabytaya pobeda // Francuzskii ejegodnik 2014. Т. 2: Franciya i Vostok. M., 2014. S. 122–165.].
- Фильштинский И.М.* Каирские восстания 1798–1800 гг. и описание их в хронике Абд ар-Рахмана ал-Джабарты // Советское востоковедение. 1958. № 3. С. 46–56. [*Fil'shtinskii I.M.* Kairskie vosstaniya 1798–1800 gg. i opisanie ih v hronike Abd ar-Rahmana al-Dzhabarti // Sovetskoe vostokovedenie. 1958. № 3. S. 46–56.].
- Delaitre F.* La bataille d'Héliopolis: 20 mars 1800. Allonzier-la-Caille, 2011.
- Desvernois, général baron.* Avec Bonaparte en Italie et en Égypte. P., 2012.
- Doguereau J.P.* Journal de l'expédition d'Égypte / Éd. de C. de La Jonquière. P., 1997.
- L'état-major de Kleber en Égypte: 1798–1800 : d'après leurs carnets, journaux, rapports et notes / Éd. établie par S. Le Couëdic. P., 1997.
- [*Galland A.*]. Tableau de l'Égypte pendant le séjour de l'Armée française. T. 1. P., an XI (1803).
- Gislain de Bontin G.* Trois mois heureux, trois ans amers // La campagne d'Égypte, 1798–1801: mythes et réalités / Actes du colloque des 16 et 17 juin 1998. P., 1998. P. 77–92.
- Histoire scientifique et militaire de l'expédition française en Égypte. P., 1830–1836. T. 7.
- Journal du canonnier Bricard. P., 1891.

Journal du capitaine François, dit le dromadaire d'Égypte / Établie par Ch. Grolleau. P., 2003.

Kléber en Égypte 1798–1800. T. 4. P., 1995.

Moiret J.-M. Mémoires sur l'expédition d'Égypte. P., 1984.

Morier J.P. Memoir of a Campaign with the Ottoman Army in Egypt from February to July 1800. L., 1801.

Pajol Ch.-P.-V., le comte. Kléber, sa vie, sa correspondance. P., 1877.

Rapport fait au Gouvernement français des événemens qui se sont passés en Égypte, depuis la conclusion du traité d'El-A'rych, jusqu'à la fin de prairial an VIII. Kair, s.d.

Richardot Ch., le lieutenant-colonel. Nouveaux mémoires sur l'armée française en Égypte et en Syrie. P., 1848.

Turc N. Chronique d'Égypte 1798–1804/ Ed. et tr. par G. Wiet. Le Caire, 1950.

Vigo-Roussillon F. Journal de la campagne (1793–1837). P., 1981.